
3 1761 04362 3966

I

Sablukov, Nikolaĭ Aleksandrov

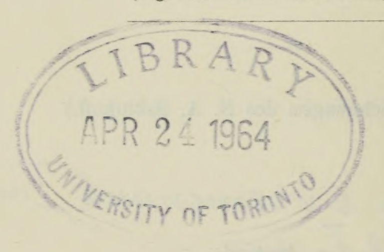
ЗАПИСКИ
Н. А. САБЛУКОВА
О
ВРЕМЕНАХЪ ИМПЕРАТОРА
ПАВЛА I
И
О КОНЧИНѢ ЭТОГО ГОСУДАРЯ.

(Aufzeichnungen des N. A. Sablukoff.)

Zapiski o vremenakh Imperatora Pavla I

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

LIBRARY
APR 24 1964
UNIVERSITY OF TORONTO

III

Оглавленіе.

Глава I.

Глава II.

Глава III.

Предисловіе.

Записки Саблукова впервые вышли въ свѣтъ на англійскомъ языкѣ и напечатаны въ 1865 г., въ журналѣ „*Fraser's Magazine*“ подъ заглавіемъ *Reminiscences of the Court and times of the Emperor Paul I of Russia, up to the period of his death. From the papers of a deceased Russian General Officer**). На русскомъ языкѣ записки эти появились въ извлеченіи въ Московскомъ журналѣ „Русскій Архивъ“ въ концѣ 1860-хъ годовъ, при чемъ, въ виду цензурныхъ условій, переводъ былъ далеко не полный, такъ что добрая половина „Записокъ“, до сихъ поръ, на русскомъ языкѣ, въ печати не появлялась**). Что

*) *„Воспоминанія о Дворѣ и временахъ Императора Россійскаго Павла I до эпохи его смерти. Изъ бумагъ умершаго русскаго Генерала.“*

**) Краткое извлеченіе изъ труда Саблукова, въ 60-хъ годахъ было сдѣлано и во французскомъ журналѣ „Revue Moderne“. Изд.

касается англійскаго подлинника, то послѣдній, въ настоящее время, по прошествіи 35 лѣтъ, представляетъ совершенную библіографическую рѣдкость, такъ какъ журналъ этотъ, издавался въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и всѣ номера 1865 года давно вышли изъ продажи и не имѣются даже и у антикваріевъ.

Настоящимъ изданіемъ пополняется этотъ весьма существенный продѣлъ въ исторической литературѣ и русскій читатель впервые имѣетъ возможность ознакомиться съ полнымъ изданіемъ „Записокъ Саблукова", представляющихъ, по безпристрастности изложенія и искренности тона, драгоцѣннѣйшій матеріалъ для будущихъ историковъ и бытописателей Павловской эпохи, еще столь мало изслѣдованной и едвали безпристрастно оцѣненной.

Авторъ „записокъ", *Николай Александровичъ Саблуковъ*, происходившій изъ дверняго дворянскаго рода, родился въ Петербургѣ въ 1776 году и, по обычаю того времени, будучи еще ребенкомъ, былъ записанъ въ Гвардію. Отецъ его Александръ Александровичъ Саблуковъ, Сенаторъ и впослѣдствіе одинъ изъ первыхъ Членовъ только что учрежденнаго Александромъ I Государственнаго Совѣта, былъ Вице-Президентомъ Мануфактуръ-Коллегіи въ послѣдніе годы царствованія Екате-

рины и въ эпоху Павла Іго. Сыну своему онъ далъ весьма тщательное, домашнее образованіе, причемъ, благодаря заботамъ матери автора, Екатерины Андреевной Саблуковой, рожденной Волковой, женщины высоко образованной и гуманной, особенное вниманіе было обращено на изученіе иностранныхъ языковъ: Нѣмецкаго, Французскаго и Англійскаго. Вскорѣ затѣмъ молодой Саблуковъ, по обычаю богатыхъ дворянъ того времени, былъ отправленъ путешествовать за границу, посѣтилъ Германію, Италію и, благодаря близкимъ родственнымъ связямъ съ русскою знатью, былъ представленъ по многимъ иностраннымъ Дворамъ. Вернувшись въ Россію въ 1792 году, 17ти лѣтній юноша Саблуковъ поступилъ въ блестящій и аристократическій, въ Екатерининское время, Конно-Гвардейскій полкъ, въ которомъ и оставался до самой кончины Павла I, будучи въ послѣднее время въ чинѣ Полковника и командуя эскадрономъ.

Не будучи „Гатчинцемъ“, какъ Аракчеевъ и Ростопчинъ, не состоя въ числѣ любимцевъ, какъ Кутайсовъ и Уваровъ, Саблуковъ, не смотря на это, пользовался благосклонностью и уваженіемъ Павла, чувствовавшаго въ немъ неподкупную *вѣрность* порядочнаго человѣка. Этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ фактъ, что авторъ „Записокъ“ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ лицъ,

близко стоявшихъ ко Двору, которымъ удалось удержаться на службѣ *въ теченіи всего четырехлѣтняго царствованія Павла.* Саблуковъ — былъ джентельмэнъ въ полномъ смыслѣ этого слова; это былъ рыцарь безъ страха и упрека, спокойно смотрѣвшій въ глаза такому Государю, какъ Павелъ I, съумѣвшій сдерживать порывы такой взбалмошной натуры какъ Константинъ, вызывавшій невольное удивленіе робкаго и запуганнаго отцовскими строгостями Александра. Вотъ почему Записки Саблукова, въ которыхъ каждая фраза, каждая строчка дышатъ правдой и благородствомъ, должны имѣть особое значеніе въ глазахъ историка: въ этихъ качествахъ автора онъ увидитъ несомнѣнное доказательство какъ правдивости передаваемыхъ имъ фактовъ, такъ и вполнѣ безпристрастной оцѣнки личности Императора Павла.

Отдавая полную справедливость высокимъ, душевнымъ качествамъ, лежавшимъ въ основѣ характера этого государя, любя его искренно какъ человѣка, Саблуковъ сообщаетъ однако цѣлый рядъ фактовъ, указывающихъ на несомнѣнную ненормальность Павла, рѣзкія выходки котораго, доходившія зачастую до непонятной жестокости *),

*) Напр. высылка изъ Петербурга ни въ чемъ неповиннаго отца автора. А. А. Саблукова.

могутъ быть объяснены исключительно душевнымъ разстройствомъ.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, основной характеръ „Записокъ Саблукова": строгая правдивость и искренность. Въ одномъ только случаѣ авторъ впадаетъ въ довольно странное противорѣчіе, а именно, когда онъ упоминаетъ о роли, которую играла Английская политикая въ кровавомъ событіи 11 Марта 1801 года. Стараясь доказать полную неосновательность слуховъ объ участіи Англійскаго Посланника, Лорда Уитворта, въ заговорѣ противъ Павла, онъ въ тоже время категорически говоритъ о любовной связи этого дипломата въ О. А. Жеребцовой, сестрой Зубовыхъ — главныхъ руководителей заговора. Наконецъ въ одномъ мѣстѣ „Записокъ" мы читаемъ слѣдующую недвухсмысленную фразу, не требующую дальнѣйшихъ комментарій: *„Гжа Жеребцова ‚предсказала' печальное событіе 11 Марта въ Берлинѣ, за нѣсколько дней до смерти Императора и какъ только узнала о совершившемся фактѣ, отправилась тотчасъ въ Англію навѣстить своего стараго друга Лорда Уитворта."*

Единственнымъ объясненіемъ этого противорѣчія, которое совсѣмъ не вяжется съ категорическимъ и яснымъ тономъ всего повѣствованія, можетъ служить то обстоятельство, что рукопись

Саблукова прошла через чернило англійскаго журнала, редакція котораго естественно была заинтересована въ обѣленіи дѣйствій „Коварнаго Альбіона“.

Послѣ кончины Императора Павла Саблуковъ вышелъ въ отставку, предпринялъ новое путешествіе по Европѣ и въ 1803 году, находясь въ Англіи, женился на Англичанкѣ, Миссъ Юліи Ангерштинъ. Вернувшись снова въ Россію и прослуживъ недолгое время въ Морскомъ Министерствѣ, Н. А. снова ступаетъ въ войско и въ 1812 г. принимаетъ участіе въ Отечественной войнѣ, во время которой онъ произведенъ въ генералы. По окончанію Наполеонскихъ войнъ онъ окончально вышелъ въ отставку, проживая частью въ Англіи, частью въ Петербургѣ и умеръ въ 1848 году отъ холеры.

S. Nagiba.

Глава I.

Вступленіе. — Дворъ Великаго Князя. — Е. Н. Нелидова. — Путешествіе Графа и Графини Сѣверныхъ. — Гатчина. — Кончина Екатерины. — Первые дни новаго царствованія. — Мѣропріятія Императора. — Судъ надъ Княземъ Сибирскимъ. — Новые люди. Кутайсовъ. — Обольяниновъ. — Кологривовъ. — Котлубицкій. — Великіе Князья. — Аракчеевъ. — Ростопчинъ. — Женскій персоналъ.

На дняхъ мнѣ пришлось перечитывать „Исторію Россіи“ Левека, въ которой говорится о разногласіи въ мнѣніяхъ, существующихъ до настоящаго времени относительно Лжедмитрія, причемъ меня особенно поразила скудость свѣдѣній объ этой замѣчательной эпохѣ въ смыслѣ показаній современниковъ и очевидцевъ. А между тѣмъ самъ Левекъ утверждаетъ, что такія показанія имѣютъ чрезвычайную важность для исторіи, такъ какъ одни только очевидцы могутъ засвидѣтельствовать правдивость тѣхъ или другихъ историческихъ фактовъ.

Я самъ былъ очевидцемъ главнѣйшихъ событій, происходившихъ въ царствованіе Императора

Павла I. Во все это время я состоялъ при дворѣ этого Государя и имѣлъ полную возможность узнать все, что тамъ происходитъ, не говоря уже о томъ, что я лично былъ знакомъ съ самимъ Императоромъ и со всѣми членами Императорскаго Дома, равно какъ и со всѣми вліятельными личностями того времени. Все это вмѣстѣ взятое и побудило меня записать все то, что я помню о событіяхъ этой знаменательной эпохи въ надеждѣ, что такимъ образомъ, быть можетъ, прольется новой свѣтъ на характеръ Павла I, человѣка во всякомъ случаѣ не зауряднаго.

Смѣю думать, что читатель не поставитъ мнѣ въ вину, если въ теченіи этого повѣствованія мнѣ не разъ придется говорить о себѣ лично, про многихъ изъ моихъ друзей и про полкъ, въ которомъ я служилъ. Подробности эти я привожу лишь какъ доказательство правдивости моего повѣствованія, которая только и можетъ придать настоящій интересъ этому разсказу.

Въ эпоху вступленія на престолъ Императора Павла I мнѣ было двадцать лѣтъ и я былъ въ чинѣ Подпоручика Конной Гвардіи, прослуживъ передъ тѣмъ въ томъ же полку два года унтеръ-офицеромъ и четыре года въ офицерскомъ чинѣ*). Передъ

---

*) Будучи унтеръ-офицеромъ я былъ ординарцемъ у *Фельдмаршала Графа Салтыкова*, дежурилъ у него черезъ недѣлю и обязанъ былъ въ это время всюду сопровождать

тѣмъ я много путешествовалъ за границей и былъ представленъ ко многимъ дворомъ какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи, вслѣдствіе чего много вращался въ высшемъ обществѣ какъ въ Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ. Отецъ мой держалъ открытый домъ, въ которомъ собирались за просто многіе Министры и дипломаты, вслѣдствіе чего, не смотря на мою молодость, я уже достаточно былъ подготовленъ къ пониманію текущихъ политическихъ событій. Къ этому надо прибавить, что, будучи вообще хорошо знакомъ съ нѣсколькими иностранными языками, я живо интересовался политическими вопросами и съ особенномъ вниманіемъ читалъ газеты.

Теперь я сдѣлаю небольшое отступленіе и буду говорить о времени непосредственно предшествовавшемъ вступленію на престолъ Павла, такъ какъ свѣдѣнія о томъ, что тогда происходило, послужатъ къ объясненію многихъ послѣдующихъ событій, которыя иначе было бы трудно понять.

Въ качествѣ Великаго Князя Павелъ Петровичъ имѣлъ великолѣпные аппартамента въ Зимнемъ Дворцѣ, а также во дворцѣ Царскосельскомъ. Здѣсь происходили ихъ выходы и пріемы и тутъ же они давали пышные обѣды, вечера и балы,

---

его. Такимъ образомъ мнѣ часто приходилось бывать съ его свитою въ прихожей кабинета Императрицы Екатерины II. Пр. автора.

оказывая постоянно чрезвычайную любезность своимъ гостямъ. Всѣ высшіе чины ихъ двора, равно какъ прислуга, принадлежали къ штату Императрицы, поочередно, въ теченіи недѣли, дежурили въ обоихъ дворцахъ, причемъ всѣ издержки уплачивались изъ Кабинета Ея Величества. Въ этихъ пріемахъ своего сына Императрица Екатерина обыкновенно весьма милостиво сама принимала участіе и послѣ перваго выхода радушно присоединялась къ обществу, не допуская обычнаго этикета, установленнаго при Ея собственномъ дворѣ.

Съ внѣшней стороны Великій Князь постоянно оказывалъ своей матери величайшее уваженіе, хотя всѣ хорошо знали, что онъ не раздѣлялъ тѣхъ чувствъ любви, благодарности и удивленія, которыя Русскій народъ питалъ къ этой Монархинѣ. Великая Княгиня, его супруга, однакоже любила Екатерину, какъ нѣжная дочь и привязанность эта была вполнѣ взаимная. Дѣти Павла, юные Великіе Князья и Великія Княжны, воспитывались подъ надзоромъ ихъ бабки-Императрицы, которая во всѣхъ случаяхъ совѣтовалась съ ихъ матерью*).

Кромѣ названныхъ аппартаментовъ у Великаго Князя былъ еще очень удобный дворецъ — Ка-

---

*) Генералы *Протасовъ* и *Сакенъ* были воспитателями Великихъ Князей, а *Баронесса Ливенъ* гувернанткою Великихъ Княженъ и довѣреннымъ другомъ ихъ матери.

Пр. автора.

менно-островскій — расположенный на одномъ изъ острововъ на Невѣ. Здѣсь Великій Князь и его супруга также давали избранному обществу весьма веселые празднества, на которыхъ происходили такъ называемые jeux d'esprit, театральныя представленія, словомъ все то, что придумали остроуміе и любезность стараго французскаго двора. Сама Великая Княгиня была чрезвычайно красивая женщина, весьма скромная въ обращеніи, а по мнѣнію нѣкоторыхъ даже излишне степенная, даже до того, что казалась суровою и скучною, — насколько могли ее сдѣлать таковою добродѣтель и этикетъ. Павелъ, напротивъ, былъ полонъ жизни, остроумія и юмора и всегда особенно отличалъ своимъ вниманіемъ тѣхъ, которые блистали тѣми же качествами.

Самою яркою звѣздою на придворномъ горизонтѣ была молодая дѣвушка, которую пожаловали фрейлиною въ уваженіе превосходныхъ дарованій, выказанныхъ ею во время ея воспитанія въ Смольномъ Монастырѣ: ее звали *Екатерина Нелидова*. По наружности она представляла полную противоположность съ Великою Княгинею, которая была бѣлокура, высокаго роста, склонна къ полнотѣ и очень близорука Нелидова же была маленькая, смуглая, съ тёмными волосами, блестящими черными глазами, съ лицомъ исполненнымъ выразительности. Она танцовала съ необыкновеннымъ изяществомъ и живостью, разговоръ ея, при со-

вершенной скромности, отличался изумительнымъ остроуміемъ и блескомъ.

Павелъ не долго оставался равнодушнымъ къ столькимъ прелестямъ. Впрочемъ надо замѣтить, что Великій Князь отнюдь не былъ человѣкомъ безнравственнымъ, напротивъ того онъ былъ добродѣтеленъ какъ по убѣжденію, такъ и по намѣреніямъ. Онъ ненавидѣлъ распутство, былъ искренно привязанъ къ своей прелестной супругѣ и не могъ себѣ представить, чтобы какая нибудь интриганка могла когда либо увлечь его до того, чтобы влюбить въ себя безъ памяти. Поэтому онъ свободно предался тому, что онъ считалъ чисто Платоническою связью и это было началомъ его странностей.

Императрица Екатерина, знавшая человѣческое сердце несравненно лучше, чѣмъ ея сынъ, была глубоко огорчена за свою невѣстку. Она вскорѣ послала сына путешествовать вмѣстѣ съ супругою и отдала самыя строгія приказанія, дабы не щадить денегъ, чтобы сдѣлать эту прогулку по Европѣ столь же блистательной, сколь интересной, какъ этого только можно достигнуть при помощи вліянія на Дворы, которые имъ придется посѣтить. Путешествовали они incognito, подъ именемъ Графа и Графини Сѣверныхъ и хорошо извѣстно, что остроуміе Графа, красота Графини и обходительность обоихъ оставили самое благопріятное впечатлѣніе въ странахъ, которыя они посѣтили.

Не слѣдуетъ думать, что раннее воспитаніе Великаго Князя Павла было небрежно; напротивъ того Екатерина употребила все, что въ человѣческихъ силахъ, чтобы дать сыну воспитаніе, которое сдѣлало бы его способнымъ и достойнымъ царствовать надъ обширною Россійскою Имперіею. *Графъ Н. И. Панинъ,* одинъ изъ знаменитѣйшихъ государственныхъ людей своего времени, пользовавшійся уваженіемъ какъ въ Россіи, такъ и за границей за свою честность, высокую нравственность, искреннее благочестіе и отличное образованіе, былъ воспитателемъ Павла. Кромѣ того Великій Князь имѣлъ лучшихъ наставниковъ того времени, въ числѣ которыхъ были и иностранцы, пользовавшіеся почетною извѣстностью въ литературномъ мірѣ. Особенное вниманіе было обращено на религіозное воспитаніе Великаго Князя, который до самой своей смерти отличался набожностью. Еще до настоящаго времени показываютъ мѣста, на которыхъ Павелъ имѣлъ обыкновеніе стоять на колѣнахъ, погруженный въ молитву и часто обливаясь слезами. Паркетъ положительно протертъ въ этихъ мѣстахъ *). Графъ Панинъ состоялъ членомъ нѣсколькихъ Масонскихъ Ложъ и Великій Князь былъ также введенъ въ нѣкоторыя изъ нихъ.

---

*) Офицерская караульная комната, въ которой мнѣ приходилось сидѣть во время моихъ дежурствъ въ Гатчинѣ, находилась рядомъ съ частнымъ кабинетомъ Павла и я часто слышалъ вздохи Императора во время его молитвы.

Словомъ было сдѣлано все, что только возможно для физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія Великаго Князя. Павелъ былъ однимъ изъ лучшихъ наѣздниковъ своего времени и съ ранняго возраста отличался на каруселяхъ. Онъ зналъ въ совершенствѣ языки славянскій, русскій, французскій и нѣмецкій, имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ латинскомъ, былъ хорошо знакомъ съ исторіей, географіей и математикой, говорилъ и писалъ весьма свободно и правильно на упомянутыхъ языкахъ. Въ дѣлѣ воспитанія Великаго Князя два помощника главнымъ образомъ содѣйствовали Графу Панину: Флота Капитанъ Сергѣй *Плещеевъ* и уроженецъ города Страсбурга *Баронъ Николаи*. Плещеевъ прежде служилъ въ англійскомъ флотѣ, былъ отличнымъ офицеромъ, человѣкомъ широко образованнымъ и особеннымъ знатокомъ русской литературы. Баронъ Николаи былъ вообще человѣкъ ученый, жившій сначала въ Страсбургѣ и написавшій нѣсколько научныхъ трудовъ. Оба эти лица сопровождали Великаго Князя во время его путешествія за границу и впослѣдствіи Плещеевъ издалъ книгу подъ заглавіемъ „Les voyages du Comte et de la Comtesse du Nord“. Оба остались близкими и вліятельными людьми при Императорѣ Павлѣ до самой его кончины.

Въ Вѣнѣ, Неаполѣ и Парижѣ Павелъ проникся тѣми высоко-аристократическими идеями и вку-

сами, которые, не будучи согласны съ духомъ времени, довели его впослѣдствіе до большихъ крайностей въ его стремленіи поддержать нравы и обычаи стараго режима въ такое время, когда французская революція сметала все подобное съ Европейскаго Континента. Но какъ ни пагубны были эти вліянія для чуткой и воспріимчивой души Павла, вредъ причиненный ими ничто въ сравненіи съ вліяніемъ, которое произвели на него въ Берлинѣ прусская дисциплина, выправка, мундиры, шляпы, кивера и т. п. — словомъ все, что имѣло какое либо отношеніе къ Фридриху Великому. Павелъ подражалъ Фридриху въ одеждѣ, въ походкѣ, въ посадкѣ на лошади. Потсдамъ, Сансуси, Берлинъ преслѣдовали его подобно кошмару. Къ счастью Павла и для Россіи, онъ не заразился бездушною философіей этого монарха и его упорнымъ безбожіемъ. Но этого Павелъ не могъ переварить и хотя врагъ насѣялъ много плевелъ, доброе сѣмя всетаки удержалось.

Но чтобы вернуться къ эпохѣ, которая непосредственно предшествовала восшествію Павла на престолъ, я долженъ упомянуть о томъ, что кромѣ дворца на Каменномъ Острову онъ имѣлъ еще великолѣпный дворецъ и имѣніе въ Гатчинѣ, въ 24 верстахъ отъ Царскаго Села. Къ Гатчинѣ были приписаны обширныя земли и нѣсколько деревень. Супруга Великаго Князя имѣла такое же имѣніе въ Павловскѣ съ обширными парками

и богатыми деревнями. Этотъ дворецъ находился всего въ трехъ верстахъ отъ Царскаго Села. Въ этихъ двухъ имѣніяхъ Великій Князь и его супруга обыкновенно проводили большую часть года одни, имѣя лишь дежурнаго Камергера и Гофмаршала. Здѣсь Великій Князь и Великая Княгиня обыкновенно не принимали никого, исключая лицъ особо приглашенныхъ. Скоро однакоже и здѣсь стала появляться Екатерина Ивановна Нелидова и вскорѣ сдѣлалась пріятельницей Великой Княгини, оставаясь въ тоже время платоническимъ кумиромъ Павла. Какъ въ Гатчинѣ, такъ и въ Павловскѣ строго соблюдались костюмъ, этикетъ и обычаи Французскаго Двора.

Отецъ мой въ то время былъ во главѣ Государственнаго Казначейства и въ его обязанности между прочимъ входило выдавать ихъ Высочествамъ ихъ четвертное жалованье и лично принимать отъ нихъ росписку въ счетную книгу Казначейства. Во время поѣздокъ, которыя онъ совершалъ для этой цѣли въ Гатчинъ и въ Павловскъ, я иногда сопровождалъ его и живо помню то странное впечатлѣніе, которое производило на меня все то, что я здѣсь видѣлъ и слышалъ. Все было какъ бы въ другомъ государствѣ, особенно въ Гатчинѣ, гдѣ былъ выстроенъ форштатъ, напоминавшій мелкіе Германскіе города. Эта слобода имѣла заставы, казармы, конюшни и всѣ строенія были точь въ точь такія какъ въ Пруссіи. Что касается войскъ здѣсь расположенныхъ,

то можно было побиться объ закладъ, что они только что пришли изъ Берлина.

Здѣсь я долженъ объяснить какимъ образомъ Великій Князь задумалъ сформировать въ Гатчинѣ эту куріозную маленькую армію. Когда Павелъ былъ еще очень молодъ, Императрица, пожелавшая дать ему громкій титулъ, не сопряженный однако съ какимъ либо трудомъ или отвѣтственностью, пожаловала его Генералъ-Адмираломъ Россійскаго Флота; впослѣдствіи онъ былъ назначенъ шефомъ превосходнаго Кирасирскаго полка, съ которымъ онъ прослужилъ одну кампанію противъ Шведовъ, при чемъ имѣлъ честь видѣть какъ надъ головой его пролетали пушечныя ядра во время одной стычки съ непріятелемъ. Поселившись въ Гатчинѣ Великій Князь, въ качествѣ Генералъ-Адмирала потребовалъ себѣ баталіонъ морскихъ солдатъ съ нѣсколькими орудіями, а какъ Шефъ Кирасировъ — эскадронъ этого полка съ тѣмъ чтобы образовать гарнизонъ города Гатчины.

Оба желанія Великаго Князя были исполнены и такимъ образомъ положено начало пресловутой „Гатчинской арміи", впослѣдствіе причинившей столько неудовольствій и вреда всей странѣ. Въ Гатчинѣ кромѣ того, на небольшомъ озерѣ, находилось нѣсколько лодокъ, оснащенныхъ и вооруженныхъ на подобіе военныхъ кораблей, съ офицерами и матросами — и это учрежденіе впослѣдствіе пріобрѣло большое значеніе.

Баталіонъ и эскадронъ были раздѣлены на мелкіе отряды, изъ которыхъ каждый изображалъ полкъ Императорской гвардіи. Всѣ они были одѣты въ темнозеленые мундиры и во всѣхъ отношеніяхъ напоминали собою прусскихъ солдатъ.

Вся русская пѣхота въ это время носила свѣтлозеленые мундиры, кавалерія — синіе, а артиллерія — красные. Покрой этихъ мундировъ не походилъ на мундиры другихъ европейскихъ армій, но былъ прекрасно приспособленъ къ климату и обычаямъ Россіи. Русскія войска всѣхъ родовъ оружія покрыли себя славою въ войнахъ противъ Турокъ, Шведовъ и Поляковъ и справедливо гордились своими подвигами. Подобно всякимъ другимъ войскамъ они гордились и мундирами, въ которыхъ они пожинали эти лавры и это заставляло ихъ смотрѣть съ отвращеніемъ на Гатчинское обмундированіе.

Гатчинскіе моряки также носили темнозеленое сукно, между тѣмъ какъ мундиръ всего русскаго флота былъ бѣлый, установленній еще самимъ Петромъ Великимъ и это измѣненіе также возбуждало неудовольствіе. Во всѣхъ Гатчинскихъ войскахъ офицерскія должности были заняты людьми низкаго происхожденія, такъ какъ ни одинъ порядочный человѣкъ не хотѣлъ служить въ этихъ полкахъ, гдѣ господствовала грубая прусская дисциплина. Я уже упомянулъ выше, что дворъ Великаго Князя состоялъ отчасти изъ лицъ,

служившихъ при дворѣ Императрицы, такъ что все происходившее въ Гатчинѣ тотчасъ дѣлалось извѣстныхъ при большомъ дворѣ и въ публикѣ и будущая судьба Россіи подвергалась свободному обсужденію и не совсѣмъ умѣренной критикѣ.

Но съ другой стороны Великій Князь былъ восходящимъ свѣтиломъ и конечно нашлось не мало услужливыхъ людей, которые передавали ему о невыгодномъ впечатлѣніи, которое нѣкоторыя его распоряженія производили при дворѣ Императрици, — распоряженія, которыя однако онъ считалъ крайне важными. Ему доносили также и о многихъ злоупотребленіяхъ, дѣйствительно существовавшихъ въ разныхъ отрасляхъ управленія. Съ другой стороны мягкость и материнскій характеръ управленія Екатерины ему изображали въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Вспыльчивый по природѣ и горячій Павелъ былъ крайне раздраженъ отстраненіемъ отъ престола, которой, согласно обычаю посѣщенныхъ имъ иностранныхъ дворовъ, онъ считалъ принадлежащимъ ему по праву. Вскорѣ сдѣлалось общеизвѣстнымъ, что Великій Князь съ каждымъ днемъ все нетерпѣливѣе и рѣзче порицаетъ правительственную систему своей матери.

Екатерина между тѣмъ становилась стара и немощна и недавно у нея былъ легкій припадокъ паралича, послѣ котораго она не поправилась вполнѣ. Она искренно любила Россію и пользо-

валась искреннею любовью народа. Екатерина не могла думать безъ страха о томъ, что великое государство, столь быстро выдвинутое ею на путь благоденствія и славы, останется безъ всякихъ гарантій прочнаго существованія, особенно въ такое время, когда Франція распространяла революціонную заразу и „Комитетъ Общественной Безопасности" заставлялъ дрожать на престолахъ почти всѣхъ монарховъ Европы и потрясалъ старанныя учрежденія въ самыхъ ихъ основаніяхъ.

Екатерина уже сдѣлала многое для конституціоннаго развитія своей страны и если бы ей удалось убѣдить Павла сдѣлаться государемъ конституціоннымъ, то она умерла бы спокойно, не опасаясь за будущее Россіи. Мнѣнія, вкусы и привычки дѣлали такія надежды совершенно тщетными и достовѣрно извѣстно, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины между ея ближайшими совѣтниками было рѣшено, что Павелъ будетъ устраненъ отъ престолонаслѣдія, если онъ откажется присягнуть конституціи уже начертанной, въ каковомъ строѣ былъ бы назначенъ наслѣдникомъ его сынъ, Александръ, съ условіемъ чтобы онъ соблюдалъ новую конституцію.

Слово „конституція" столь часто здѣсь упоминаемое, не должно быть понимаемо въ обычномъ, слишкомъ тѣсномъ, смыслѣ парламентскаго представительства, еще менѣе въ смыслѣ демократической формы правленія. Оно обозначаетъ не

болѣе какъ великую хартію, благодаря которой верховная власть Императора перестала бы быть самодержавною.

Слухи о подобномъ намѣреніи ходили безпрестанно, хотя еще не было извѣстно ничего достовѣрнаго. Втихомолку однако говорили, что 1 Января 1797 года долженъ быть обнародованъ весьма важный манифестъ и въ то же время было замѣчено, что Великій Князь Павелъ сталъ рѣже появляться при дворѣ и то лишь въ торжественные пріемы и что онъ все болѣе оказываетъ пристрастія къ своимъ опрусаченнымъ войскамъ и ко всѣмъ своимъ Гатчинскимъ учрежденіямъ. Мы, офицеры, часто смѣялись между собою надъ Гатчинцами. Въ 1795—1796 годахъ я былъ за границею и, проведя нѣсколько недѣль въ Берлинѣ, я порядочно ознакомился съ прусскою выправкою. По возвращеніи моемъ домой, мои товарищи часто заставляли меня подражать, или вѣрнѣе передразнивать прусскихъ офицеровъ и солдатъ. Въ то время мы и не помышляли, что скоро мы всѣ будемъ обречены на прусскую обмундировку, выправку и дисциплину. Впослѣдствіи оказалось, что знаніе этихъ подробностей сослужило мнѣ большую услугу.

Ознакомивъ вкратцѣ читателя съ положеніемъ дѣлъ въ Петербургѣ и Гатчинѣ, я буду продолжать свое повѣствованіе. По возвращеніи моемъ изъ заграничнаго путешествія въ 1796 году, я

часто посѣщалъ домъ нѣкой *Г-жи Загряжской*, свѣтской дамы, чрезвычайно умной и любезной. Племянница ея, *Васильчикова* была только что сговорена съ *Графомъ Кочубеемъ* и потому вечера ея стали интимнѣе и менѣе людны. Я былъ однимъ изъ немногихъ, которыхъ однако продолжали приглашать въ домъ, куда мы собирались играть въ лото, дофинъ и др. игры.

Въ Четвергъ 6 Ноября 1796 года я прибылъ по обыкновенію къ Загряжскимъ. Къ семи часамъ вечера на столѣ было приготовлено лото и я предложилъ себя, чтобы первому вынимать номера. Г-жа Загряжская отвѣчала болѣе холоднымъ тономъ чѣмъ обыкновенно: „хорошо“ и я началъ игру. Играющіе однако думали повидимому о чемъ-то другомъ, такъ что я даже слегка пожурилъ ихъ за то, что они не отмѣчатюъ номеровъ.

Между тѣмъ Г-жа Загряжская вдругъ отозвала меня въ сторону и сказала:

— „Vous êtes un singulier homme, Sabloukoff.“

— „En quoi donc, Madame?“ — возразилъ я.

— „Vous ne savez donc rien?“

— „Mais qu'y a-t-il à savoir?“

— „Comment donc, l'Impératrice a eu un coup d'apoplexie et on la croit morte“ . . .

Я чуть не свалился съ ногъ и такъ побледнѣлъ, что Г-жа Загряжская очень встревожилась за меня. Какъ только я пришелъ въ себя, я по-

бѣжалъ съ лѣстницы, бросился въ мой экипажъ и отправился въ домъ моего отца. Оказалось, что онъ уже уѣхалъ въ Сенатъ, куда его вызвали. Катастрофа дѣйствительно совершилась, сомнѣній быть не могло. Екатерина скончалась.

Александръ Мухановъ, Капитанъ Конной Гвардіи, который наслѣдующее утро долженъ былъ жениться на моей сестрѣ Натальѣ, также уѣхалъ изъ дому и отправился въ казармы нашего полка, куда поспѣшилъ и я.

По дорогѣ мнѣ попадались люди разнаго званія, которые шли пѣшкомъ или ѣхали въ саняхъ и каретахъ и всѣ куда-то спѣшили. Нѣкоторые изъ нихъ останавливали на улицѣ своихъ знакомыхъ и со слезами на глазахъ высказывали свое горе по поводу случившагося. Можно было думать, что у каждаго Русскаго умерла нѣжно любимая мать.

Князь Платонъ Зубовъ, послѣдній любимецъ Екатерины и ея Первый Министръ, немедленно отправилъ въ Гатчину своего брата *Графа Николая Зубова,* имѣвшаго званіе Шталмейстера, съ тѣмъ чтобы сообщить Великому Князю Павлу о кончинѣ его матери. Сенатъ и Синодъ были въ сборѣ и всѣ войска столицы подъ ружьемъ, въ ожиданіи манифеста. *Графъ Безбородко,* въ качествѣ старшаго изъ Статсъ-Секретарей, находился въ кабинетѣ покойной Императрицы, прочіе же Статсъ-Секретари и высшіе чины двора собра-

лись во дворцѣ въ ожиданіи прибытія Великаго Князя.

Вскорѣ вернулся Графъ Зубовъ съ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи Павла. Площадь передъ дворцомъ была наполнена народомъ и около полуночи прибылъ Великій Князь. Въ теченіи ночи былъ составленъ манифестъ, въ которомъ оповѣщалось для всеобщаго свѣдѣнія о кончинѣ Императрицы Екатерины и о вступленіи на престолъ Императора Павла Перваго. Актъ этотъ былъ также прочитанъ въ Сенатѣ и была принесена обычная присяга.

Нельзя выразить словами ту скорьбу, которую испытывалъ каждый офицеръ и солдатъ Конной Гвардіи, когда въ нашемъ полку прочтенъ былъ этотъ манифестъ. Весь полкъ буквально былъ въ слезахъ, многіе рыдали, словно потеряли близкаго родственника или лучшаго друга. Тоже самое происходило и въ другихъ полкахъ и такимъ же образомъ выразилась и всеобщая печаль народа въ приходскихъ церквахъ.

Рано утромъ 7 19 Ноября, нашъ Командиръ *Маіоръ Васильчиковъ*, отдалъ приказъ, чтобы на слѣдующее утро всѣ офицеры явились на парадъ передъ Зимнимъ Дворцомъ; назначенный же туда караулъ отъ нашего полка былъ осмотрѣнъ нашимъ Маіоромъ самымъ тщательнымъ образомъ. Между тѣмъ въ теченіи ночи выпалъ глубокій снѣгъ, а къ утру настала оттепелъ и пошелъ мелкій дождь

и всѣмъ намъ было крайне непріятно идти вслѣдъ за нашимъ коннымъ отрядомъ отъ казармъ до Дворца, около трехъ англійскихъ миль, въ лучшихъ нашихъ мундирахъ, синихъ съ золотомъ, въ парадныхъ шляпахъ съ дорогимъ плюмажемъ, увязая въ глубокомъ снѣгу, лежавшемъ по дорогѣ.

Это не было хорошимъ предзнаменованіемъ для новаго царствованія и новаго порядка вещей. Едва мы дошли до дворцовой площади, какъ уже намъ сообщено множество новыхъ распоряженій. Начать съ того, что отнынѣ ни одинъ офицеръ, ни подъ какимъ предлогомъ, не имѣлъ права являться куда бы то ни было иначе какъ въ мундирѣ; а надо замѣтить, что наша форма была очень нарядна, дорога и не удобна для постояннаго ношенія. Далѣе намъ сообщили, что офицерамъ вообще воспрещено ѣздить въ закрытыхъ экипажахъ, а дозволяется только ѣздить верхомъ, или въ саняхъ или въ дрожкахъ. Кромѣ того былъ изданъ рядъ полицейскихъ распоряженій, предписывавшихъ всѣмъ обывателямъ носить пудру, косичку или гарбейтель и запрещавшихъ ношеніе круглыхъ шляпъ, сапогъ съ отворотами, длинныхъ панталонъ, а также завязокъ на башмакахъ и чулкахъ, вмѣсто которыхъ предписывалось носить пряжки. Волосы должны были зачесываться назадъ, а отнюдь не на лобъ; экипажамъ и пѣшеходамъ велено было останавливаться при встрѣчѣ съ Высочайшими Особами и тѣ кто сидѣли въ экипажахъ должны были

выходить изъ оныхъ, дабы отдать поклонъ Августѣйшимъ лицамъ. Утромъ 8 20 Ноября 1796 года, значительно ранѣе 9 часовъ утра, усердная столичная полиція успѣла уже обнародовать всѣ эти правила.

Мы также услышали о курьезныхъ вещахъ, происшедшихъ во Дворцѣ съ прибытіемъ новаго Императора. Говорили, что онъ вмѣстѣ съ Графомъ Безбородкомъ, дѣятельно занимался жженіемъ бумагъ и документовъ въ кабинетѣ покойной Императрицы; что Павелъ имѣетъ видъ очень сумрачный и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прибытія своихъ собственныхъ войскъ изъ Гатчины. Естественно, что всѣ эти слухи не могли намъ быть пріятны, особенно послѣ счастливаго времени, проведеннаго нами при Екатеринѣ, царствованіе которой отличалось милостивой снисходительностью ко всему, что только не носило характера преступленія.

Но вотъ пробило наконецъ десять часовъ и началась ужасная сутолока. Появились новыя лица, новые сановники. Но какъ они были одѣты! Не взирая на всю нашу печаль по Императрицѣ, мы едва могли удержаться отъ смѣха, настолько все нами видѣнное напоминало намъ шутовской маскарадъ. Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи появились въ своихъ Гатчинскихъ мундирахъ, напоминая собою старинные портреты прусскихъ офицеровъ, выскочившіе изъ своихъ рамокъ.

Ровно въ 11 часовъ вышелъ самъ Императоръ въ Преображенскомъ мундирѣ новаго покроя. Онъ кланялся, отдувался и пыхтѣлъ пока проходила мимо него гвардія, пожимая плечами и качая головою въ знакъ неудовольствія. Послѣ этого онъ велѣлъ подать свою лошадь *„Помпона"*. Въ тоже время ему доложили, что Гатчинская „Армія" приближается къ заставѣ и Его Величество тотчасъ поскакалъ ей на встрѣчу. Приблизительно черезъ часъ Императоръ вернулся во главѣ этихъ войскъ. Самъ онъ ѣхалъ передъ тѣмъ Гатчинскимъ отрядомъ, который ему угодно было называть „Преображенцами"; Великіе Князья Александръ и Константинъ также ѣхали во главѣ такъ называемыхъ „Семеновскаго" и „Измайловскаго" полковъ. Императоръ былъ въ восторгѣ отъ этихъ войскъ и выставлялъ ихъ передъ нами, какъ образцы совершенства, которымъ мы должны были подражать слѣпо. Ихъ знаменамъ была отдана честь обычнымъ образомъ, послѣ чего ихъ отнесли во Дворецъ, сами же Гатчинскія войска, въ качествѣ представителей соотвѣтствующихъ гвардейскихъ полковъ, были включены въ нихъ и размѣщены по ихъ казармамъ.

Такъ закончилось утро перваго дня новаго царствованія Павла Перваго.

Мы всѣ вернулись домой, получивъ строгое приказаніе не оставлять своихъ казармъ и вскорѣ затѣмъ новые пришлецы изъ Гатчинскаго гарни-

зона были представлены намъ. Но что это были за офицеры! Что за странныя лица! Какія манеры! И какъ странно они говорили! Это были по большей части Малороссы. Легко представить себѣ впечатлѣніе, которое произвели эти грубые бурдоны на общество, состоявшее изъ ста тридцати двухъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ семьямъ русскаго дворянства. Всѣ новые порядки и новые мундиры подверглись строгой критикѣ и почти всеобщему осужденію. Вскорѣ однако мы убѣдились, что о каждомъ словѣ, произнесенномъ нами, доносилось куда слѣдуетъ. Какая грустная перемѣна для полка, который издавна славился своею порядочностью, товариществомъ и единодушіемъ!

Мы получили приказаніе обмундироваться какъ можно скорѣе согласно новымъ предписаніямъ. Новый „походный“ мундиръ былъ коричневаго цвѣта, а вице-мундиръ кирпичнаго цвѣта и квакерскаго покроя. Мнѣ удалось достать этого сукна и сшить себѣ вице-мундиръ и на другое утро я явился въ новой формѣ, передразнивая Гатчинцевъ à s'y méprendre, вслѣдствіе чего маіоръ немедленно назначилъ меня въ этотъ день въ караулъ. Будучи, какъ я уже упомянулъ, хорошо знакомъ съ прусскою выправкою, я усвоилъ себѣ съ большою легкостью первые уроки нашихъ Гатчинскихъ наставниковъ, а въ одинадцать часовъ, во время парада, такъ отли-

чился, что Императоръ подъѣхалъ ко мнѣ, чтобы меня похвалить и, проходя нѣсколько разъ, въ теченіи дня, мимо моего караула, во дворцѣ, онъ всегда останавливался, чтобы заговорить со мною.

Никогда не забуду я этого дня и ночи проведенныхъ мною въ караулѣ во дворцѣ. Что эта была за суета, что за бѣготня вверхъ и внизъ, взадъ и впередъ! Какіе странные костюмы! Какіе противорѣчивые слухи! Императорское Семейство то входило въ комнату, въ которой лежало тѣло покойной Императрицы, то выходило изъ оной. Одни плакали и рыдали о понесенной потерѣ, другіе самонадѣжно улыбались въ ожиданіи получить хорошія мѣста. Я долженъ однакоже признаться, что число послѣднихъ было не велико. Императоръ, какъ говорятъ, еще былъ занятъ разборомъ и уничтоженіемъ бумагъ съ Графомъ Безбородкомъ. Ходили также слухи, что за Графомъ Алексѣемъ Орловымъ былъ посланъ нарочный, что вслѣдъ за обнародованіемъ церемоніала о погребеніи Императрицы, тѣло Петра III, находящееся въ Невской Лаврѣ, будетъ вынуто изъ могилы, перенесено во Дворецъ и поставлено рядомъ съ тѣломъ Екатерины.

Для того, чтобы понять причины, побудившія Императора Павла сдѣлать такое распоряженіе, надо вспомнить, что Петръ III, желая вступить въ бракъ съ своею любовницею Графиней Воронцовой, намѣревался объявить Императрицу Екатерину

виновною въ прелюбодѣяніи и сына ея Павла незаконнымъ. Съ этою цѣлью мать и сынъ должны были быть заключены въ Шлюссельбургскую крѣпость на всю жизнь. Объ этомъ уже былъ изготовленъ манифестъ и только наканунѣ его обнародованія и арестованія матери и сына, начался переворотъ. Слѣдствіемъ этого событія было, какъ извѣстно, превозглашеніе Екатерины царствующею Императрицею и публичное отреченіе Петра III отъ престола, о чемъ имъ былъ подписанъ формальный документъ. Послѣ этого Петръ III удалился въ Ропшу, гдѣ и умеръ спустя шесть дней, по мнѣнію однихъ вслѣдствіи геморройдальныхъ припадковъ, по мнѣнію же другихъ онъ былъ задушенъ въ кровати. Тѣло его было торжественно выставлено для публики въ теченіи шести дней, но такъ какъ онъ ранѣе отрекся отъ престола и умеръ уже не царствующимъ Императоромъ, то и былъ погребенъ въ Невскомъ Монастырѣ, а не въ Петропавловскомъ Соборѣ, который служитъ усыпальницею русскихъ Императоровъ, начиная отъ Петра Великаго.

Всѣ эти событія засвидѣтельствованы документами, хранящимися въ архивахъ и были хорошо извѣстны многимъ лицамъ, въ то время еще живымъ, которыя были ихъ очевидцами. Поэтому Императоръ Павелъ считалъ полезнымъ перенести прахъ отца изъ Невской Лавры въ Петропавловскій Соборъ, желая этимъ положить предѣлъ слу-

хамъ, которые ходили на его счетъ, а такъ какъ Графъ Алексѣй Орловъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ переворотѣ, совершенномъ въ пользу Екатерины, то ему повелѣно было прибыть въ Петербургъ для участія въ погребальномъ шествіи.

Многіе увѣряли, будто бы причина вызова Орлова заключалась въ томъ, что онъ былъ предполагаемымъ убійцей Петра III; но это несправедливо. Если уже были виновники этого злодѣянія, то это должны были быть Пассекъ и Князь Федоръ Барятинскій, подъ охраной которыхъ Петръ III былъ оставленъ въ Ропшѣ. Во всякомъ случаѣ это не былъ Орловъ, такъ какъ его не было въ комнатѣ во время смерти Императора. По тому способу, которымъ Павелъ обошелся съ Алексѣемъ Орловымъ и говорилъ съ нимъ нѣсколько разъ во время похоронной церемоніи (чему я самъ былъ очевидцемъ) я убѣжденъ, что Императоръ не считалъ его лично виновникомъ убійства, хотя онъ конечно смотрѣлъ на него, какъ на одного изъ главныхъ, оставшихся въ живыхъ, дѣятелей переворота, возведшаго на престолъ Екатерину и спасшаго ее и самаго Павла отъ пожизненнаго заключенія въ Шлюссельбургѣ, гдѣ еще донынѣ можно видить приготовленное для нихъ помѣщеніе.

Въ эпоху кончины Екатерины и вступленія на престолъ Павла Петербургъ былъ несомнѣнно одной

изъ красивѣйшихъ столицъ въ Европѣ, исключая быть можетъ Парижа и Лондона, которыхъ я въ то время не видалъ и потому не могъ судить о нихъ. Какъ по внѣшнему великолѣпію, такъ и по внутренней роскоши и изяществу вкуса ничто не могло сравняться съ Петербургомъ въ 1796 году — таково было, по крайней мѣрѣ, мнѣніе всѣхъ знаменитыхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ въ то время Россію и которые проводили тамъ многіе мѣсяцы, очарованные веселостью, радушіемъ, гостепріимствомъ и общительностью, которые Екатерина съ особеннымъ умѣніемъ проявляла во всей Имперіи.

Внезапная перемѣна произшедшая съ внѣшней стороны въ этой столицѣ, въ теченіи нѣсколькихъ дней, просто невѣроятна. Такъ какъ полицейскія мѣропріятія должны были исполняться съ всевозможной поспѣшностью, то метаморфоза совершилась чрезвычайно быстро и Петербургъ пересталъ быть похожимъ на современную столицу, принявъ скучный видъ маленькаго нѣмецкаго города за два или за три столѣтія тому назадъ. Къ несчастью перемѣна эта не ограничилась одною внѣшнею стороною города: не только экипажи, платья, шляпы, сапоги и прическа подчинены были регламенту, самый духъ жителей былъ подверженъ угнетенію. Это проявленіе деспотизма, выразившееся въ самыхъ повседневныхъ, банальныхъ обстоятельствахъ, сдѣлалось особенно тягостнымъ въ

виду того, что оно явилось продолженіемъ эпохи сравнительно широкой личной свободы.

Всеобщее неудовольствіе стало высказываться отдѣльными лицами въ разговорахъ, въ семьяхъ, среди друзей и знакомыхъ и приняло характеръ злобы дня. Чѣмъ болѣе однако оно высказывалось, тѣмъ энергичнѣе становилась дѣятельность тайной полиціи. Офицеры нашего полка, который, какъ я уже упомянулъ, пользовался столь высокой репутаціей порядочности и благородства, сдѣлались предметомъ особаго наблюденія и малѣйшая ошибка во время парада наказывалась арестомъ. Въ царствованіе Екатерины арестъ, какъ мѣра наказанія для офицера, примѣнялась только въ исключительныхъ, серіозныхъ случаяхъ, такъ какъ она влекла за собою военный судъ (court-martial) и офицеръ, который былъ арестованъ за наказаніе, обыкновенно долженъ былъ выходить изъ полка. Таковъ былъ *point d'honneur* въ Екатерининское время. Не то было теперь, когда Павелъ всюду ввелъ Гатчинскую дисциплину. Онъ смотрѣлъ на арестъ какъ на пустякъ и примѣнялъ его ко всѣмъ слоямъ общества не исключая даже женщинъ. Малѣйшее нарушеніе полицейскихъ распоряженій вызывало арестъ при одной изъ военныхъ гауптвахтъ, вслѣдствіе чего послѣднія иногда бывали совершенно переполнены.

Наши офицеры однако же не были расположены сносить подобное обращеніе и, въ теченіи

нѣсколькихъ недѣль *шестьдесятъ* или *семьдесятъ* человѣкъ оставили полкъ. Обстоятельство это естественно чрезвычайно ускорило производство, а такъ какъ, благодаря счастливой случайности, я попалъ подъ арестъ всего одинъ разъ, и то вмѣстѣ съ девятью другими Полковниками, послѣ маневровъ 1799 года, то я не только остался въ полку, но даже вскорѣ значительно повысился.

Упомянувъ о предосудительной и смѣшной сторонѣ тогдашней правительственной системы, необходимо однако указать и на нѣкоторыя похвальныя мѣры, принятыя для благоденствія народа. Спустя нѣсколько дней послѣ вступленія Павла на престолъ, во Дворцѣ было устроено обширное окно, въ которое всякій имѣлъ право опустить свое прошеніе на имя Императора. Оно помѣщалось въ нижнемъ этажѣ дворца, подъ однимъ изъ корридоровъ, и Павелъ самъ хранилъ у себя ключь отъ комнаты, въ которой находилось это окно. Каждое утро, въ седьмомъ часу, Императоръ отправлялся туда, собиралъ прошенія, собственноручно ихъ помѣчалъ и затѣмъ прочитывалъ ихъ или заставлялъ одного изъ своихъ Статсъ-Секретарей прочитывать ихъ себѣ въ слухъ. Резолюціи, или отвѣты на эти прошенія всегда были написаны имъ лично, или скрѣплены его подписью и затѣмъ *публиковались въ газетахъ* для объявленія просителю. Все это дѣлалось быстро и безъ замедленія. Бывали случаи, что просителю

предлагалось обратиться въ какое нибудь судебное мѣсто или иное вѣдомство и затѣмъ извѣстить Его Величество о результатѣ этого обращенія.

Этимъ путемъ обнаружились многія вопіющія несправедливости и въ таковыхъ случаяхъ Павелъ былъ непреклоненъ. Никакія личныя или сословныя соображенія не могли спасти виновнаго отъ наказанія и остается только сожалѣть, что Его Величество иногда дѣйствовалъ слишкомъ стремительно и не предоставлялъ наказанія самимъ законамъ, которые наказали бы виновнаго гораздо строже, чѣмъ это дѣлалъ Императоръ, а между тѣмъ онъ не подвергался бы зачастую тѣмъ нареканіямъ, которыя влечетъ за собою личная расправа.

Не припомню теперь въ точности какое преступленіе совершилъ нѣкто Князь Сибирскій, человѣкъ высокопоставленный, Сенаторъ, пользовавшійся благосклонностью Императора. Если не ошибаюсь это было лихоимство. Проступокъ его, каковъ бы онъ ни былъ, обнаружился черезъ прошеніе, поданное Государю вышеописаннымъ способомъ и Князь Сибирскій былъ преданъ уголовному суду, приговоренъ къ разжалованію и къ пожизненной ссылкѣ въ Сибирь. Императоръ немедленно же утвердилъ этотъ приговоръ, который и былъ приведенъ въ исполненіе, причемъ Кн. Сибирскій, какъ преступникъ, публично былъ вывезенъ изъ Петербурга, черезъ Москву, къ великому ужасу

тамошней знати, среди которой у него было много родственниковъ. Этотъ публичный актъ справедливости очень встревожилъ чиновниковъ, но произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе на народную массу.

Будучи весьма строгъ относительно всего что касалось государственной экономіи и стремясь облегчить тягости, лежащія на народѣ, Императоръ Павелъ былъ, не смотря на это, весьма щедръ при раздачѣ пенсій и наградъ за заслуги, при чемъ въ этихъ случаяхъ отличался истинно царскою милостью. Во время коронаціи, въ Москвѣ, онъ роздалъ многіе тысячи государственныхъ крестьянъ важнѣйшимъ сановникамъ государства и всѣмъ лицамъ, служившимъ ему въ Гатчинѣ, такъ что многія изъ нихъ сдѣлались богачами. Павелъ не считалъ этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительнымъ для общаго блага, ибо онъ полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ тѣхъ лицъ, которые обыкновенно назначаются для завѣдыванія государственными имуществами. Несомнѣнно и то, что сами крестьяне считали милостью и преимуществомъ переходъ въ частное владѣніе. Моему отцу пожаловано прекрасное имѣніе, съ пятью стами крестьянъ, въ Тамбовской губерніи, и я очень хорошо помню удовольствіе, выраженное по этому поводу депутаціей отъ крестьянъ этого имѣнія.

Прежде чѣмъ продолжать мой разсказъ необходимо ознакомить читателя съ главнѣйшими лицами, вывезенными Павломъ изъ Гатчины, а также съ нѣкоторыми другими, которыхъ онъ собралъ вокругъ себя въ Петербургѣ и которыя играли роль до самой его смерти.

Раньше всѣхъ слѣдуетъ упомянуть объ *Иванѣ Павловичѣ Кутайсовѣ,* турченкѣ, взятомъ въ плѣнъ въ Кутайсѣ и котораго Павелъ, будучи Великимъ Княземъ, принялъ подъ свое покровительство, велѣлъ воспитать на свой счетъ и *обучить бритью.* Онъ впослѣдствіи сдѣлался Императорскомъ брадобрѣемъ, и въ качествѣ таковаго, ежедневно имѣлъ въ рукахъ Императорскій подбородокъ и горло, что разумѣется давало ему положеніе довѣреннаго слуги. Это былъ чрезвычайно смышленный человѣкъ, обладавшій особенною проницательностью въ угадываніи слабостей своего господина. Надо однако сознаться, что онъ, по возможности, всегда старался улаживать все къ лучшему, предупреждая тѣхъ, которые являлись къ Императору о настроеніи духа своего господина. Съ теченіемъ времени онъ сдѣлался довѣреннымъ лицомъ любовницы Павла, составилъ себѣ большое состояніе и былъ сдѣланъ Графомъ. Когда въ 1798 году Павелъ получилъ титулъ Гросмейстера Мальтійскаго Ордена, Кутайсовъ былъ возведенъ въ званіе Оберъ-Шталмейстера Ордена (?). Надо сказать что Графъ всегда былъ

готовъ всѣмъ помогать и никогда не дѣлалъ никому зла. Графиня, его жена, была очень веселая и остроумная женщина и также обладала значительнымъ состояніемъ. У нихъ было два сына, изъ коихъ одинъ, въ званіи Сенатора и еще живъ, а другой, отличный артиллерійскій генералъ, былъ убитъ подъ Бородиномъ.

Самъ Графъ Кутайсовъ былъ тоже любитель похожденій и пока Павелъ какъ Гросмейстеръ Мальтійскаго ордена имѣлъ свои любовныя похожденія, его обершталмейстеръ также не отставалъ отъ своего господина. Они обыкновенно отправлялись вдвоемъ на эти свиданія, якобы сохраняя incognito. Лакеи и кучеръ были одѣты въ красныя ливреи (цвѣтъ Ордена) и было строго приказано полиціей не узнавать Государя.

Слѣдующее за Кутайсовымъ мѣсто, по старшинству, среди Гатчинцевъ, занималъ *Адмиралъ Кушелевъ,* человѣкъ въ высшей степени полезный, поддерживавшій расположеніе Императора къ флоту.

Другой честный, услужливый, добрый и благочестивый человѣкъ былъ Генералъ-Маіоръ *Обольяниновъ,* сдѣланный Генералъ-Адъютантомъ при восшествіи на престолъ Павла. Въ теченіи своей жизни этотъ человѣкъ много сдѣлалъ для того, чтобы смягчать послѣдствія вспыльчивости и строгости Павла. Въ концѣ его царствованія онъ былъ сдѣланъ Генералъ-Прокуроромъ Сената и въ этой должности много старался о томъ, чтобы возстано-

вить безпристрастіе въ судахъ. Павелъ любилъ и уважалъ его до такой степени, что никогда не заподозрѣвалъ людей близкихъ съ Обольяниновымъ, который и самъ ни въ комъ не заподозрѣвалъ никогда ничего дурного. Это всѣмъ извѣстное обстоятельство сдѣлало впослѣдствіе его домъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ тѣхъ, которые приняли участіе въ заговорѣ противъ Павла. Странно сказать, что я, будучи въ большой милости у Обольянинова, ни разу не былъ ни на одномъ изъ его вечеровъ, хотя мой отецъ бывалъ тутъ почти каждый вечеръ, чтобы играть съ нимъ въ вистъ. Этотъ прекрасный человѣкъ пользовался такимъ всеобщимъ уваженіемъ, что когда, послѣ смерти Павла, онъ удалился въ Москву, то былъ избранъ тамъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства и занималъ эту почетную должность до конца своей жизни.

Я уже упомянулъ о *баронѣ Николаи*, который до самой смерти Павла оставался его Статсъ-Секретаремъ, Библіотекаремъ и Хранителемъ его кабинета. Мой дядя *Плещеевъ* также остался при Императорѣ, но умеръ отъ чахотки въ Монпелье. *Генералъ Донауровъ* также былъ незначительнымъ Гатчинскимъ морякомъ и тоже самое можно сказать и о *Полковникѣ Кологривовѣ*, добродушномъ гусарѣ и порядочномъ фрунтовикѣ, главнымъ образомъ замѣчательномъ потому, что у него была

очень красивая жена, не слишкомъ жестокая къ своимъ многочисленнымъ поклонникамъ. Она заставляла своего мужа держать для этихъ господъ весьма оживленный и веселый домъ.

Полковникъ Конной Артиллеріи *Котлубицкій* былъ также Гатчинецъ и часто рисковалъ своимъ положеніемъ и милостію къ себѣ Павла, спасая отъ наказаній молодыхъ офицеровъ. Я знаю это изъ личнаго опыта.

Изъ числа новыхъ дѣйствующихъ лицъ, выступившихъ на сцену, слѣдуетъ также упомянуть о двухъ Великихъ Князьяхъ: Александрѣ и Константинѣ. *Александръ* былъ назначенъ шефомъ Семеновскаго, а *Константинъ* Измайловскаго полка. Александръ кромѣ того былъ назначенъ Военнымъ Губернаторомъ Петербурга. Ему были подчинены Военный Комендантъ города, Комендантъ крѣпости и Петербургскій Оберъ-Полицеймейстеръ. Каждое утро въ семь часовъ и каждый вечеръ — въ восемь, Великій Князь подавалъ Императору рапортъ. При этомъ необходимо было отдавать отчетъ о мельчайшихъ подробностяхъ, относящихся до гарнизона, до всѣхъ карауловъ города, до конныхъ патрулей, разъѣзжавшихъ въ немъ и въ его окрестностяхъ и за малѣйшую ошибку давался строгій выговоръ. Великій Князь Александръ былъ еще молодъ и характеръ его былъ робокъ; кромѣ того онъ былъ близорукъ и немного слухъ; изъ сказаннаго можно заключить, что эта должность не

была синекурою и стоила Александру многихъ безсонныхъ ночей. Оба Великіе Князя смертельно боялись своего отца и когда онъ смотрѣлъ сколько нибудь сердито, они блѣднѣли и дрожали, какъ осиновый листъ. При этомъ они всегда искали покровительства у другихъ вмѣсто того, чтобы имѣть возможность сами его оказывать, какъ это можно было ожидать, судя по высокому ихъ положенію. Вотъ почему они внушали мало уваженія и были непопулярны.

Два *Князя Чарторыйскіе,* Адамъ и Константинъ, были назначены Адъютантами къ Великимъ Князьямъ, первый — къ Александру, второй — къ Константину. Это возбудило много толковъ, которые кончились тѣмъ, что оба Князя испросили себѣ увольненіе отъ должности.

Какъ я уже сказалъ выше, много Полковниковъ, Маіоровъ и другихъ офицеровъ, были включены въ составъ Гвардейскихъ полковъ и такъ какъ всѣ они были лично извѣстны Императору и имѣли связи съ придворнымъ штатомъ, то многіе изъ нихъ имѣли доступъ къ Императору и заднее крыльцо дворца было для нихъ открыто. Благодаря этому мы естественно были сильно вооружены противъ этихъ господъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ мы узнали, что они занимались доносами и передавали все до малѣйшаго вырвавшагося слова.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ, именъ которыхъ не стоитъ и упоминать, особеннаго вниманія однако заслуживаетъ одна личность, игравшая впослѣдствіи весьма важную роль. Это былъ Полковникъ Гатчинской артиллеріи *Аракчеевъ*, имя котораго, какъ страшилища Павловской и особенно Александровской эпохи, несомнѣнно попадетъ въ исторію. По наружности Аракчеевъ походилъ на большую обезьяну въ мундирѣ. Онъ былъ высокаго роста, худощавъ и мускулистъ, съ виду сутуловатъ, съ длинной тонкой шеей, на которой можно было бы изучить анатомію жилъ, мускуловъ и т. п. Въ довершеніе всего онъ какъ-то особенно сморщивалъ подбородокъ, двигая имъ какъ бы въ судорогахъ. Уши у него были большія, мясистыя; толстая, безобразная голова, всегда нѣсколько склоненная на бокъ. Цвѣтъ лица у него былъ земляной, щеки впалыя, носъ широкій и угловатый, ноздри вздутыя, большой ротъ и нависшій лобъ. Чтобы закончить его портретъ скажу, что глаза у него были впалые, сѣрые и вся физіономія его представляла странную смѣсь ума и злости. Будучи сыномъ мелкопомѣстнаго дворянина, онъ поступилъ кадетомъ въ артиллерійское училище, гдѣ онъ до того отличался способностями и прилежаніемъ, что вскорѣ былъ произведенъ въ офицеры и назначенъ преподавателемъ геометріи. Но въ этой должности онъ проявилъ себя такимъ тираномъ и такъ жестоко обращался

съ кадетами, что его перевели въ артиллерійскій полкъ, часть котораго вмѣстѣ съ Аракчеевымъ попала въ Гатчину.

Въ Гатчинѣ Аракчеевъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе Павла и благодаря своему уму, строгости и неутомимой дѣятельности, сдѣлался самымъ необходимымъ человѣкомъ въ гарнизонѣ, страшилищемъ всѣхъ живущихъ въ Гатчинѣ и пріобрѣлъ неограниченное довѣріе Великаго Князя. Надо сказать правду, что онъ былъ искренно преданъ Павлу, чрезвычайно усерденъ къ службѣ и заботился о личной безопасности Императора. У него былъ большой организаторскій талантъ и во всякое дѣло онъ вводилъ строгій методъ и порядокъ, которые онъ старался поддерживать строгостью, доходившею до тиранства. Таковъ былъ Аракчеевъ. При вступленіи на престолъ Императора Павла онъ былъ произведенъ въ Генералъ-Маіоры, сдѣланъ шефомъ Преображенскаго полка и назначенъ Петербургскимъ комендантомъ. Такъ какъ онъ прежде служилъ въ артиллеріи, то онъ сохранилъ большое вліяніе на этотъ родъ оружія и наконецъ былъ назначенъ начальникомъ всей артиллеріи, въ каковой должности оказалъ большія услуги государству.

Характеръ его былъ настолько вспыльчивъ и деспотиченъ, что молодая особа, на которой онъ женился, находя невозможнымъ жить съ такимъ человѣкомъ, оставила его домъ и вернулась къ

своей матери. Замѣчательно, что люди жестокіе и мстительные обыкновенно трусы и боятся смерти. Аракчеевъ не былъ исключеніемъ изъ этого правила: онъ окружалъ себя стражею, рѣдко спалъ двѣ ночи къ ряду въ одной и той же кровати, обѣдъ его готовился въ особой кухнѣ довѣренною кухаркою (она же была его любовницею) и когда онъ обѣдалъ дома, его докторъ долженъ былъ пробовать всякое кушанье и тоже дѣлалось за завтракомъ и ужиномъ.

Этотъ жестокій и суровый человѣкъ былъ совершенно неспособенъ на нѣжную страсть, но въ тоже время велъ жизнь крайне развратную.

Тѣмъ не менѣе у Аракчеева было два большихъ достоинства. Онъ былъ дѣйствительно безпристрастенъ въ исполненіи суда и крайне бережливъ на казенныя деньги. Въ царствованіе Павла Аракчеевъ былъ несомнѣнно изъ тѣхъ людей, которые возбудили неудовольствіе общественнаго мнѣнія противъ правительства; но Императоръ Павелъ, по природѣ человѣкъ великодушный, проницательный и умный, сдерживалъ строгости Аракчеева и наконецъ удалилъ его. Но когда, послѣ смерти Павла, Императоръ Александръ снова призвалъ его на службу и далъ его вліянію распространиться на всѣ отрасли управленія, причемъ онъ на дѣлѣ сдѣлался первымъ министромъ, — тогда Аракчеевъ поистинѣ сталъ бичемъ всего

государства и довелъ Александра до того шаткаго положенія, въ которомъ онъ находился въ минуту своей смерти въ Таганрогѣ и которое разрѣшилось бунтомъ, вспыхнувшимъ при вступленіи на престолъ Императора Николая, первою мѣрою котораго для успокоенія умовъ было увольненіе и удаленіе Графа Аракчеева.

Изъ остальныхъ правительственныхъ лицъ этого царствованія я упомяну еще о *Графѣ Ростопчинѣ,* бывшимъ въ 1812 году Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ, человѣкѣ весьма даровитомъ и энергичномъ, но при этомъ насмѣшливомъ и ѣдкомъ. Онъ былъ Генералъ-Адъютантомъ и, на короткое время, Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. Ту же должность нѣкоторое время занималъ и *Графъ Паленъ,* человѣкъ также чрезвычайно талантливый и благородный, но холодный и крайне гордый. *Адмиралъ Рибасъ,* родомъ Мальтіецъ, отличался въ Турецкихъ войнахъ при Екатеринѣ вмѣстѣ съ Паленомъ и *Адмираломъ Литтою.* Это былъ человѣкъ чрезвычайно хитрый, предпріимчивый и ловкій. Закончу этотъ списокъ *Генераломъ Нелидовымъ,* родственникомъ вышеназванной Екатерины Ивановны Нелидовой, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ на Императора и который вмѣстѣ съ своею родственницей прилагалъ всѣ свои старанія дабы смягчать невзгоды этого времени,

обращать царскую милость на людей достойныхъ и облегчать участь тѣхъ, которые подверглись опалѣ.

А теперь перехожу къ женскому персоналу Двора Императора Павла.

Я уже упоминалъ о томъ положеніи, которое занимала при дворѣ Баронесса, впослѣдствіи Графиня и позже *Княгиня Ливенъ.* Она была воспитательницей Великихъ Княженъ, другомъ и довѣреннымъ лицомъ Императрицы и обладала рѣдкими душевными качествами и выдающимся умомъ. Ея прямота, твердость и благородство заставляли самого Императора уважать ея мнѣніе. По ея рекомендаціи двѣ ея пріятельницы: Графиня Паленъ и Г-жа фонъ Рённе получили должность Статсъ-Дамъ при Великихъ Княгиняхъ: Елизаветѣ-Алексѣевнѣ (супругѣ Александра) и Аннѣ Ѳеодоровнѣ (супругѣ Константина). Здѣсь кстати замѣчу, что мужъ первой изъ этихъ дамъ, *Графъ Паленъ,* былъ вызванъ въ Петербургъ, назначенъ командиромъ Конной Гвардіи и Инспекторомъ тяжелой кавалеріи. Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ Военнымъ Губернаторомъ Петербурга, Управляющимъ Иностранными дѣлами и Почтовымъ Вѣдомствомъ, вслѣдствіе чего въ его рукахъ находились ключи отъ всѣхъ государственныхъ тайнъ, такъ что въ столицѣ никто не могъ предпринять чего либо безъ его вѣдома.

Такъ какъ читатель уже ознакомленъ съ необыкновеннымъ характеромъ этой эпохи, а также съ большинствомъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей тогдашняго времени, то я вернусь теперь къ моему повѣствованію и буду излагать въ хронологическомъ порядкѣ событія кратковременнаго царствованія Императора Павла.

Глава II.

Характеристика Императора Павла. — Строгости къ военнымъ. — А. А. Саблуковъ. Его опала и помилованіе. — Жизнь въ Гатчинѣ. — Менуэтъ съ Нелидовой. — Снисходительность Павла. — Заслуги и достоинства этого Государя. — Генеральша Лаврова, рожденная Демидова. — Ея дѣло въ Сенатѣ. — Анна Петровна Лопухина. — La troupe dorée. — Уваровъ и Чичаговъ. — Черта Русскихъ Государей.

Въ своемъ разсказѣ я изобразилъ Императора Павла человѣкомъ глубоко религіознымъ, исполненнымъ истиннаго благочестія и страха Божія. И дѣйствительно это былъ человѣкъ въ душѣ вполнѣ доброжелательный, великодушный, готовый прощать обиды, повиниться въ своихъ ошибкахъ. Онъ высоко цѣнилъ правду, ненавидѣлъ ложъ и обманъ, заботился о правосудіи и безпощадно преслѣдовалъ всякія злоупотребленія, въ особенности же лихоимство и взяточничество. Къ несчастью всѣ эти похвальныя и добрыя качества оставались совершенно безполезными какъ для него лично, такъ и для государства, благодаря его

несдержанности, чрезвычайной раздражительности, неразумной и нетерпѣливой требовательности безпрекословнаго повиновенія. Малѣйшее колебаніе при исполненіи его приказаній, малѣйшая неисправность по службѣ влекли за собою жестокій выговоръ и даже наказаніе безъ всякаго различія лицъ. На Павла не легко было имѣть вліяніе, такъ какъ, почитая себя всегда правымъ, онъ съ особеннымъ упорствомъ держался своего мнѣнія и ни зачто не хотѣлъ отъ него отказаться. Онъ былъ чрезвычайно раздражителенъ и отъ малѣйшаго противорѣчія приходилъ въ такой гнѣвъ, что казался совершенно изступленнымъ. А между тѣмъ онъ самъ вполнѣ сознавалъ это и впослѣдствіи глубоко этимъ огорчался, сожалѣя собственную вспыльчивость; но не смотря на это всетаки не имѣлъ достаточной силы воли, чтобы побѣдить себя.

Стремительный характеръ Павла и его чрезмѣрная придирчивость и строгость къ военнымъ, дѣлали эту службу весьма непріятною. Нерѣдко за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ, офицеры, прямо съ парада, отсылались въ другіе полки и на весьма большія разстоянія. Это случалось настолько часто, что у насъ вошло въ обычай, будучи въ караулѣ, класть за пазуху нѣсколько сотъ рублей ассигнаціями, дабы не остаться безъ денегъ въ случаѣ внезапной ссылки. Мнѣ лично пришлось три раза давать взаймы

деньги своимъ товарищамъ, которые забыли принять эту предосторожность. Подобное обращеніе естественно держало офицеровъ въ постоянномъ страхѣ и безпокойствѣ, благодаря чему многіе совсѣмъ оставили службу и удалялись въ свои помѣстья, другіе же переходили въ гражданскую службу. Благодаря этому, какъ я ужъ говорилъ, производство шло у насъ чрезвычайно быстро, особенно для тѣхъ, которые имѣли крѣпкіе нервы. Я, напримѣръ подвигался очень скоро, такъ что изъ Подпоручика Конной Гвардіи какимъ я былъ въ 1796 году, во время восшествія на престолъ Павла, я въ Іюнѣ 1799 года уже былъ Полковникомъ, миновавъ всѣ промежуточныя ступени. Изъ числа *ста тридцати двухъ офицеровъ* бывшихъ въ Конномъ Полку въ 1796 году, *всего двое* (я и еще одинъ) остались въ немъ до кончины Павла Петровича. Тоже самое, если еще не хуже, было и въ другихъ полкахъ, гдѣ тираннія Аракчеева и другихъ Гатчинцевъ менѣе сдерживалась, чѣмъ у насъ. Легко себѣ представить положеніе тѣхъ семействъ, сыновья которыхъ были офицерами въ эту эпоху: они естественно находились въ постоянномъ страхѣ и тревогѣ, опасаясь за своихъ близкихъ, такъ что можно, безъ преувеличенія, сказать, что Петербургъ, Москва и даже вся Россія были погружены въ постоянное горе.

Не смотря на то, что аристократія тщательно скрывала свое недовольство, чувство это однако

прорывалось иногда наружу и во время коронаціи, въ Москвѣ, Императоръ не могъ этого не замѣтить. Зато нисшіе классы „милліоны", съ такимъ восторгомъ привѣтствовали Государя, что Павелъ сталъ объяснять себѣ холодность и видимую недоброжелательность со стороны дворянства — нравственной испорченностью и „якобинскими" наклонностями. Что касается нравственной испорченности, то въ этомъ случаѣ онъ былъ отчасти правъ, такъ какъ нерѣдко многіе изъ наиболѣе недовольныхъ, когда онъ обращался къ нимъ лично, отвѣчали ему льстивыми словами и съ улыбкою на устахъ. Императоръ, благодаря честности и откровенности своего нрава, никогда не подозрѣвалъ въ этомъ двоедушія, тѣмъ болѣе это онъ самъ часто говорилъ, что „будучи всегда готовъ и радъ доставить законный судъ и полное удовлетвореніе всякому, кто считалъ бы себя обойденнымъ или обиженнымъ; онъ не боится быть несправедливымъ."

Какъ примѣръ странности характера Павла и его способа дѣйствій приведу слѣдующій мнѣ хорошо извѣстный случай, бывшій съ моимъ отцомъ.

Выше я уже говорилъ, что въ Екатерининское время русская армія имѣла мундиры свѣтло-зеленаго сукна, а флотъ — бѣлаго и что Императоръ Павелъ оба эти цвѣта замѣнилъ тёмно-зеленымъ, синеватаго оттѣнка, желая сдѣлать его болѣе по-

хожимъ на синій цвѣтъ прусскихъ мундировъ. Краска эта приготовлялась изъ особыхъ минеральныхъ веществъ, которыя осѣдали на дно котловъ, вслѣдствіе чего было очень трудно сразу приготовить большое количество этого сукна одинаковаго оттѣнка. Между тѣмъ, въ извѣстный день, войска должны были явиться въ Гатчину на маневры и оказалось необходимымъ пріобрѣсти значительное количество этого сукна въ кускахъ. При этомъ произошла такая спѣшка, что Коммисаріатскій Департаментъ не имѣлъ времени подобрать для каждой бригады и дивизіи сукно одного только оттѣнка, вслѣдствіе чего во многихъ полкахъ оказалось нѣкоторое различіе въ цвѣтѣ мундировъ.

Императоръ немедленно замѣтилъ этотъ недостатокъ, чрезвычайно разгнѣвался и тутъ же, приложивъ къ одному изъ образцовъ сукна собственноручную печать, велѣлъ послать Мануфактуръ-Коллегіи рескриптъ, въ которомъ повелѣвалось, чтобы впредь всѣ казенныя фабрики изготовляли сукно точно такого цвѣта, какъ этотъ образчикъ. Мой отецъ былъ въ это время Вице-Президентомъ Мануфактуръ - Коллегіи и въ дѣйствительности заправлялъ всѣми дѣлами этого вѣдомства, такъ какъ Президентъ ея, Князь Юсуповъ, никогда ничего не дѣлалъ. Зная моего отца, Императоръ приказалъ Президенту Военной Коллегіи Генералъ-Лейтенанту *Ламбу* поручить это

дѣло особому его вниманію. Въ виду этого отецъ мой немедленно же написалъ всѣмъ казеннымъ фабрикамъ циркуляръ, въ которомъ сообщалъ волю Государя и требовалъ немедленнаго отвѣта.

Отвѣты были получены почти одновременно и всѣ единогласно подтверждали, что, благодаря свойству самой краски, крашенное сукно, въ кускахъ, невозможно изготовить совершенно однороднаго цвѣта. Объ этомъ отецъ мой, съ своей стороны, увѣдомилъ Генералъ-Лейтенанта Ламба.

Надо сказать, что въ это время въ Петербургѣ свирѣпствовалъ родъ гриппа, который зачастую принималъ опасную форму и отецъ мой какъ разъ захворалъ этою болѣзнью, и притомъ въ такой степени, что у него появился сильный жаръ и расположеніе къ бреду. Естественно, что ему былъ предписанъ безусловный покой.

Между тѣмъ Генералъ Ламбъ отправился съ обычнымъ рапортомъ въ Гатчину, гдѣ въ то время жилъ Государь, и по пріѣздѣ своемъ засталъ Его Величество верхомъ на конѣ, ѣдущимъ на смотръ. На вопросъ Императора, нѣтъ-ли чего нибудь новаго или важнаго, Ламбъ отвѣчалъ: „Ничего особеннаго, Государь, кромѣ письма Вице-Президента Мануфактуръ-Коллегіи Саблукова съ отвѣтомъ отъ фабрикантовъ, которые сообщаютъ единогласно, что окрашивать сукно *въ кускахъ* въ совершенно однородный цвѣтъ рѣшительно невозможно.“

— „Какъ невозможно?“ — вскричалъ Императоръ. Затѣмъ произнеся скороговоркою: — „Очень хорошо!“ —, не сказалъ больше ни слова, сошелъ съ лошади, пошелъ во Дворецъ и тотчасъ же отправилъ нарочнаго фельдъ-егеря къ Военному Губернатору Петербурга, Графу Палену, съ слѣдующимъ приказаніемъ:

„Выслать изъ города Тайнаго Совѣтника „Саблукова, уволеннаго отъ службы и не„медленно отправить назадъ посланнаго съ до„несеніемъ объ исполненіи этого приказанія.“

(подписано) „Павелъ.“

Я сидѣлъ надъ моимъ бѣднымъ отцомъ въ комнатѣ, сосѣдней съ его кабинетомъ, когда Петербургскій Оберъ-Полицеймейстеръ, Генералъ-Маіоръ *Лисаневичъ*, близкій другъ нашей семьѣ, вошелъ въ комнату и быстро спросилъ меня: — „Что дѣлаетъ Вашъ батюшка?“

— „Лежитъ въ сосѣдней комнатѣ“ — отвѣчалъ я — „и боюсь не на смертномъ-ли одрѣ.“ — „Неужели!“ — воскликнулъ Лисаневичъ; — „тѣмъ не менѣе, я необходимо долженъ его видѣть, ибо имѣю сообщить ему немедленно приказаніе отъ Императора.“ Съ этими словами онъ вошелъ въ спальню и я машинально послѣдовалъ за нимъ.

Лицо несчастнаго моего отца было совершенно багровое и онъ едва сознавалъ, что̀ происходитъ

вокругъ него. Лисаневичъ два раза окликнулъ его: „Александръ Александровичъ!“ Отецъ, очнувшись немного, сказалъ: „Кто Вы такой? Что вамъ нужно?“ — „Я Лисаневичъ, Оберъ-Полицеймейстеръ. Узнаете вы меня?“ — Отецъ мой отвѣчалъ: — „Ахъ, Василій Ивановичъ, это вы! Я очень боленъ: что вамъ нужно?“ — „Вотъ Вамъ приказъ отъ Императора.“ — Отецъ мой развернулъ бумагу, а я въ это время помѣстился такъ, чтобы имѣть возможность прочесть бумагу и въ тоже время слѣдить за ея дѣйствіемъ на лицѣ моего отца. Онъ прочелъ бумагу, протеръ глаза, и воскликнулъ: — „Господи! да что же я сдѣлалъ?“ —

— „Я ничего не знаю“ — возразилъ Лисаневичъ — „кромѣ того, что я *долженъ* выслать Васъ изъ Петербурга.“ —

— „Но Вы видите, любезный другъ, въ какомъ я положеніи.“ — — „Этому горю я помочь не могу: я долженъ повиноваться. Я оставлю у васъ въ домѣ полицейскаго, чтобы засвидѣтельствовать Вашъ отъѣздъ, а самъ немедленно отправлюсь къ Графу Палену, чтобы донести ему о вашемъ положеніи; Вамъ же совѣтую отправить къ нему Вашего сына.“

Я возблагодарилъ Бога, замѣтивъ, что несчастный отецъ мой изъ багроваго цвѣта постепенно перешелъ въ блѣдный, ибо я признаюсь опасался, что съ нимъ можетъ приключиться апо-

плексическій ударъ. Моя дорогая матушка, которая въ такія тяжелыя минуты была исполнена энергіи и присутствія духа, зная, что Императоръ сначала всегда бываетъ неумолимъ, немедленно послала на нашу дачу, находившуюся въ двухъ миляхъ отъ города, приказаніе, чтобы въ комнатѣ садовника, которая отапливалась печью, была приготовлена постель. Хотя это было зимою, но не было особеннаго мороза, и поэтому матушка немедленно велѣла приготовить карету и послать за докторомъ.

Я поѣхалъ тѣмъ временемъ къ Графу Палену, который былъ очень привязанъ къ моему отцу и во многихъ случаяхъ бывалъ очень добръ и ко мнѣ лично.

— „Вотъ такъ исторія“ — встрѣтилъ онъ меня.

— „Хотите стаканъ Лафита?“ . . . (Это была извѣстная привычка у Палена предлагать стаканъ Лафита всякому, кто попадалъ въ бѣду.)

— „Никакого мнѣ Лафита не нужно“ . . . — съ нетерпѣньемъ перебилъ я его. — „Мнѣ нужно только, чтобы Вы оставили моего отца на мѣстѣ!“

— „Это невозможно. Dites à Votre père“ — продолжалъ онъ по французски — „qu'il sait combien je l'aime et que je n'y puis rien; que si l'un de nous deux doit aller au diable, c'est lui qui doit y aller. Qu'il sorte de la ville coûte que coûte; après cela nous verrons ce qu'on

peut faire pour lui... Mais pourquoi diable est-il renvoyé?“

— „Ni moi, ni mon père n'en savons rien“ — возразилъ я; пожавъ ему руку я уѣхалъ.

Вернувшись домой, я нашелъ уже все приготовленнымъ для отъѣзда моего отца. Добрая матушка была неутомима: она крѣпко закутала его въ мѣховую одежду, велѣла постлать постель въ каретѣ, въ которую его внесли, сама сѣла съ нимъ, а докторъ слѣдовалъ рядомъ въ другомъ экипажѣ. Черезъ три часа послѣ распоряженія Павла, отецъ мой уже проѣхалъ городскую заставу. Полицейскій чиновникъ, все время находившійся въ нашемъ домѣ, тотчасъ донесъ объ этомъ Палену, какъ Военному Губернатору, а послѣдній отослалъ обратно Государева Фельдъ-егеря съ рапортомъ, что приказаніе Его Величества исполнено въ точности.

Вечеромъ того же дня я поѣхалъ провѣдать отца. Матушка и докторъ находились при немъ и врачъ сообщилъ мнѣ утѣшительное извѣстіе, что никакихъ серіозныхъ послѣдствій опасаться не надо. Но, увы, съ нимъ всетаки сдѣлался легкій параличъ, отъ котораго онъ никогда уже не оправился.

Спустя два дня послѣ этого происшествія получено было извѣщеніе, что Государь, вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ, наслѣдующій день прибудетъ въ Петербургъ. По обыкновенію былъ назначенъ

вахтъ-парадъ и очередь идти въ караулъ какъ разъ была моя. Изъ ста шести человѣкъ, составлявшихъ мой эскадронъ, девяносто шесть должны были явиться на парадъ верхами, что̀ составляло весьма значительное число. Надо замѣтить, что если лицо, носившее извѣстное имя, подвергалось какому либо взысканію со стороны Императора, то обыкновенно эту немилость раздѣляли и другіе члены этой семьи, находившіеся на службѣ. Вотъ почему мое появленіе на парадѣ почти немедленно послѣ отставки и изгнанія изъ столицы моего отца, было для меня дѣломъ довольно щекотливымъ. Но дѣлать было нечего и мнѣ всетаки надо было явиться во время со всѣмъ моимъ эскадрономъ. Правда, я зналъ, что онъ хорошо обученъ, но всегда могли произойти ошибки и послѣдствія ихъ могли оказаться для меня весьма важными; и не только для меня, но и для моего эскадрона и даже для всего полка: такъ бывало не разъ при подобныхъ обстоятельствахъ.

Тогдашній нашъ полковой командиръ, Князь Голицынъ, велѣлъ еще наканунѣ вывести мой эскадронъ, чтобы сдѣлать репетицію парада, но офицеры и солдаты были такъ взволнованы, что все шло плохо и Генералъ нашъ былъ въ отчаяніи. Я попросилъ его однакоже успокоиться и не дѣлать выговоровъ, обѣщая ему, что все пойдетъ хорошо. Я самъ похвалилъ солдатъ, при-

казалъ имъ отправиться въ баню, затѣмъ плотно поужинать и спокойно лечь спать. Что касается до офицеровъ, которые подвергались наибольшей опасности, то я попросилъ ихъ не думать ни объ чемъ и только внимательнѣе прислушиваться къ командѣ. Въ казармахъ я отдалъ строгое приказаніе, чтобы солдатъ не будили пока я не пріѣду самъ. Въ описываемое время всѣ солдаты также носили букли и толстыя косички со множествомъ пудры и помады, вслѣдствіе чего прическа нижнихъ чиновъ занимала очень долгое время, такъ какъ у насъ полагалось всего два парикмахера на эскадронъ, такъ что солдаты, когда они готовились къ параду, принуждены были не спать всю ночь изъ за своей завивки. Но этого я никакъ не могъ допустить въ моемъ опасномъ положеніи, въ которомъ все зависѣло отъ состоянія нервовъ моихъ солдатъ. Поэтому я велѣлъ собрать всѣхъ парикмахеровъ со всего полка, приказавъ имъ какъ можно скорѣе причесать мой эскадронъ, благодаря чему солдаты могли освободиться раньше и выспаться какъ слѣдуетъ.

Въ пять часовъ утра я велѣлъ ихъ разбудить, а къ 9 часамъ люди и лошади были готовы, выстроены передъ казармами и смотрѣли весело и бодро. Я сѣлъ на своего красиваго гнѣдого мерена „Le Chevalier d'Eon“, поздоровался съ людьми, далъ имъ пароль и мы отправились ко дворцу.

Императоръ вначалѣ смотрѣлъ мрачно и имѣлъ видъ недовольный, но я съ удвоенною энергіей далъ пароль, офицеры же и солдаты исполнили свое дѣло превосходно. Его Величество, вѣроятно къ собственному своему удивленію, остался настолько доволенъ, что два раза подъѣзжалъ хвалить меня. Словомъ, все пошло хорошо и для меня, и для моего эскадрона и для моего отца, да и вообще для всѣхъ, кому въ этотъ день пришлось говорить съ Его Величествомъ, ибо подобнаго рода гроза падала на всѣхъ, кто къ нему приближался, безъ различія возраста и пола, не исключая даже и собственнаго его семейства.

Теперь я снова попрошу читателя послѣдовать за мною въ Гатчину и вернуться къ тому времени, когда Императоръ подписалъ приказъ объ увольненіи отъ службы и удаленіи изъ столицы моего отца. Тѣмъ же почеркомъ пера Павелъ тутъ же назначилъ на мѣсто моего отца Сенатора Аршеневскаго и особымъ рескриптомъ предписалъ ему немедленно исполнить его приказаніе относительно цвѣта сукна. Аршеневскій былъ очень хорошій и разсудительный человѣкъ и всѣ знали, что онъ былъ близкимъ другомъ и почитателемъ моего отца. Обстоятельство это было извѣстно и Императору, ибо въ Сенатѣ, они неоднократно держались одного мнѣнія и Павелъ часто съ ними соглашался. Въ назначеніи Аршеневскаго

такимъ образомъ нельзя было усматривать гнѣва противъ моего отца.

Не теряя ни минуты времени, новый Вице-Президентъ Аршеневскій занялъ свое мѣсто въ Мануфактуръ-Коллегіи. Предсѣдатель, Князь Юсуповъ, не могъ объяснить того, что случилось, а также не могъ посовѣтовать, что предпринять дальше. Тогда Аршеневскій самъ разсмотрѣлъ дѣло, затѣмъ лично поѣхалъ посовѣтоваться съ моимъ отцомъ и убѣдившись наконецъ, что кромѣ того, что уже сдѣлалъ мой отецъ, дѣлать больше нечего, онъ, для того чтобы не подвергаться дальнѣйшей отвѣтственности, подалъ Императору прошеніе объ увольненіи, приложивъ къ нему письмо на имя Его Величества, объясняющее его поводы къ этому поступку. Въ тоже время Генералъ-Прокуроръ Сената, Беклешовъ, который на дѣлѣ былъ Министромъ Юстиціи, посовѣтовалъ моему отцу написать къ Императору краткое письмо, въ которомъ онъ выражалъ свое горе по поводу того, что навлекъ на себя его гнѣвъ. Это письмо вмѣстѣ съ прошеніемъ Аршеневскаго Беклешовъ съ намѣреніемъ вручилъ Государю немедленно по возвращеніи его съ парада, на которомъ я удостоился такой похвалы.

Императоръ, который самъ только что выздоровѣлъ отъ гриппа и еще не совсѣмъ чувствовалъ себя хорошо, услышавъ какъ жестоко былъ исполненъ его приговоръ надъ моимъ отцомъ,

чрезвычайно взволновался. Онъ немедленно потребовалъ къ себѣ Генералъ-Прокурора и со слезами на глазахъ попросилъ его тотчасъ съѣздить къ моему отцу, извиниться за него въ его жестокой несправедливости и просить его прощенія. Послѣ этой милостивой вѣсти онъ ежедневно, по два раза, посылалъ узнавать о здоровьѣ моего отца и когда тотъ наконецъ былъ въ силахъ выѣзжать и явиться къ Государю, то между монархомъ и его подданнымъ произошла весьма трогательная сцена примиренія въ присутствіи Беклешова, причемъ моему отцу, разумѣется, была возвращена его прежняя должность.

Тѣмъ не менѣе случай этотъ очень повредилъ Павлу въ общественномъ мнѣнію, такъ какъ мои родители оба были весьма любимы и уважаемы. И дѣйствительно трудно было найти въ Петербургѣ людей, которые бы пользовались большимъ расположеніемъ и вниманіемъ, которыхъ они вполнѣ заслуживали, благодаря своей добротѣ и отзывчивости ко всѣмъ нуждающимся и несчастнымъ. Въ теченіи немногихъ дней опалы моего отца и вскорѣ послѣ его возвращенія, о немъ безпрестанно навѣдывались и съ участіемъ распрашивали о его здоровьи. Оказанная ему несправедливость вызвала сильное негодованіе, которое высказывалось открыто и рѣзко, какъ въ частныхъ разговорахъ, такъ и въ письмахъ, которыя получались изъ Москвы и изъ провинціи. Можетъ показаться

невѣроятнымъ, что въ странѣ самодержавной и при Государѣ, гнѣвъ котораго былъ неукротимымъ, могли такъ свободно порицать его дѣйствія. Но старинный русскій духъ былъ еще живъ и его не могли подавить ни строгость, ни полицейскія мѣры.

Зная вспыльчивый, но склонный къ великодушнымъ порывамъ характеръ Императора Павла, видя зачастую его искреннее желаніе быть справедливымъ, Графъ Паленъ несомнѣнно могъ бы воспользоваться тяжкою болѣзнью моего отца и рапортомъ Полицеймейстера, чтобы дать Государю время одуматься и хладнокровно обсудить неосновательность своего гнѣва. Но въ планы Графа Палена и тѣхъ, кто дѣйствовали съ нимъ заодно, повидимому, не входило вызывать этого монарха къ раскаянію: его судьба была предрѣшена и онъ долженъ былъ погибнуть. Когда Палену приходилось иногда слышать не совсѣмъ умѣренную критику дѣйствій Императора, онъ обыкновенно останавливалъ говорившихъ словами: *„Messieurs! Jean f . . . . qui parle, brave homme qui agit!“*

Теперь вернемся снова въ Гатчину, это ужасное мѣсто, откуда послѣдовалъ указъ объ увольненіи моего отца, и которое было колыбелью пресловутой Павловской арміи съ ея организаціей, выправкой и дисциплиной. Гатчина было любимымъ мѣстопребываніемъ Павла въ осеннее время и здѣсь происходили ежегодные маневры войскъ.

Какъ сѣверная деревенская резиденція Гатчина великолѣпна: дворецъ, или вѣрнѣе замокъ представляетъ обширное зданіе, выстроенное изъ писаннаго камня и прекрасной архитектуры. При дворцѣ обширный паркъ, въ которомъ множество великолѣпныхъ старыхъ дубовъ и другихъ деревьевъ. Прозрачный ручей вьется вдоль парка и по садамъ, обращаясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ обширные пруды, которые почти можно назвать озерами. Вода въ нихъ до того чиста и прозрачна, что, на глубинѣ 12—15 футовъ, можно считать камушки и въ ней плаваютъ большія форели и стерляди.

Павелъ былъ весьма склоненъ къ романтизму и любилъ все, что имѣло рыцарскій характеръ. При этомъ онъ имѣлъ расположеніе къ великолѣпію и роскоши, которыми онъ восторгался во время пребыванія въ Парижѣ и другихъ городахъ Западной Европы.

Какъ я уже говорилъ, въ Гатчинѣ происходили большіе маневры, во время которыхъ давались и празднества. Балы, концерты, театральныя представленія безпрерывно слѣдовали одни за другими и можно было думать, что всѣ увеселенія Версали и Тріанона по волшебству перенесены были въ Гатчину. Къ сожалѣнію эти празднества нерѣдко омрачались разными строгостями, какъ напримѣръ арестомъ офицеровъ, или ссылкою ихъ въ отдаленные гарнизоны безъ всякаго предупрежденія.

Случались и несчастія, какія бываютъ нерѣдко во время большихъ кавалерійскихъ маневровъ, что приводило Императора въ сильное раздраженіе. Впрочемъ, не смотря на сильный гнѣвъ, вызываемый подобными случаями, онъ выказывалъ большое человѣколюбіе и участіе, когда кто нибудь былъ серьезно раненъ.

Какъ то разъ, въ то время, когда я находился во внутреннемъ караулѣ, во дворцѣ произошла забавная сцена. Выше я упоминалъ, что офицерская караульная комната находилась близь самаго кабинета Государя, откуда я часто слышалъ его молитвы. Около офицерской комнаты была обширная прихожая, въ которой находился караулъ, а изъ нея шелъ длинный узкій коридоръ, ведшій во внутренніе аппартаменты дворца. Здѣсь стоялъ часовой, который немедленно вызывалъ караулъ, когда Императоръ показывался въ коридорѣ. Услышавъ внезапно окрикъ часового „караулъ вонъ!“, я поспѣшно выбѣжалъ изъ офицерской комнаты. Солдаты едва успѣли схватить свои карабины и выстроиться, а я обнажить свою шпагу, какъ дверь коридора открылась настежь и Императоръ, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ, при шляпѣ и шпагѣ, поспѣшно вошелъ въ комнату и въ ту же минуту дамскій башмачекъ, съ очень высокимъ каблукомъ, полетѣлъ черезъ голову Его Величества, чуть чуть ея не задѣвши. Императоръ черезъ офицерскую комнату прошелъ

въ свой кабинетъ, а изъ коридора вышла Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмакъ и вернулась туда-же откуда пришла.

На другой день, когда я смѣнялся съ караула, Его Величество подошелъ ко мнѣ и шепнулъ: „Mon cher, nous avons eu du grabuge hier." — — „Oui, Sire" — отвѣчалъ я. Меня очень позабавилъ этотъ случай и я никому не говорилъ о немъ, ожидая, что за этимъ послѣдуетъ что нибудь столь же забавное. Ожиданія мои не обманулись: въ тотъ же день, вечеромъ на балѣ, Императоръ подошелъ ко мнѣ, какъ къ близкому пріятелю и повѣренному и сказалъ: „Mon cher, faites danser quelque chose de joli." Я сразу смекнулъ, что Государю угодно, чтобы я протанцовалъ съ Екатериной Ивановной Нелидовой. Что можно было протанцовать красиваго, кромѣ менуэта или гавота сороковыхъ годовъ? Я обратился къ дирижеру оркестра и спросилъ его, можетъ-ли онъ сыграть менуэтъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, я просилъ его начать, и самъ пригласилъ Нелидову, которая, какъ извѣстно, еще въ смольномъ отличалась своими танцами. Оркестръ заигралъ и мы начали. Что за грацію выказала она, какъ прелестно выдѣлывала „pà" и повороты, какая плавность была во всѣхъ движеніяхъ-прелестной крошки, не смотря на ея высокіе каблуки — точь въ точь знаменитая *Лантини,* бывшая ея учительница! Съ своей стороны и я не позабылъ

уроковъ моего учителя *Канціани* и при моемъ кафтанѣ à la Frédéric le Grand, мы оба точь въ точь имѣли видъ двухъ старыхъ портретовъ. Императоръ былъ въ полномъ восторгѣ и, слѣдя за нашими танцами во все время менуэта, поощрялъ насъ восклицаніями: „C'est charmant, c'est superbe, c'est délicieux!"

Когда этотъ первый танецъ благополучно былъ оконченъ, Государь просилъ меня устроить другой и пригласить вторую пару. Вопросъ теперь заключался въ томъ, кого выбрать и кто захочетъ себя выставить на показъ при такой смущающей обстановкѣ. Въ нашемъ полку былъ офицеръ, по имени *Хитровъ*. Я вспомнилъ, что когда-то, будучи 13-ти лѣтнимъ мальчикомъ, онъ вмѣстѣ со мною бралъ уроки у Канціани и такъ какъ онъ въ то время всегда носилъ красные каблуки, я прозвалъ его камергеромъ. Никто не могъ мнѣ быть болѣе подходящимъ. Я подошелъ къ нему и сообщилъ о желаніи Его Величества. Сначала Хитровъ колебался, хотя видимо былъ радъ выставить себя на показъ и, послѣ нѣкотораго размышленія, спросилъ меня, какую ему выбрать даму. — „Возьмите старую дѣвицу Валуеву" — посовѣтовалъ я ему и онъ такъ и сдѣлалъ. Разумѣется я снова пригласилъ Нелидову и танецъ былъ исполненъ на славу къ величайшему удовольствію Его Величества. За этотъ подвигъ я былъ награжденъ лишь забавою, которую онъ мнѣ

доставилъ, но зато Алексѣю Хитрову этотъ менуэтъ оказалъ большую пользу. Будучи не особенно исправнымъ офицеромъ, онъ былъ сдѣланъ Камергеромъ, что ввело его въ гражданскую службу и угождая разнымъ вліятельнымъ Министрамъ онъ наконецъ самъ сдѣлался Министромъ, а въ настоящее время*) онъ весьма снисходительный Государственный Контролеръ и вообще очень добрый человѣкъ.

Объ Императорѣ Павлѣ принято обыкновенно говорить, какъ о человѣкѣ чуждомъ всякихъ любезныхъ качествъ, всегда мрачномъ, раздражительномъ и суровомъ. На дѣлѣ же характеръ его вовсе былъ не таковъ. Остроумную шутку онъ понималъ и цѣнилъ не хуже всякаго другого, лишь бы только въ ней не видно было недоброжелательства или злобы. Въ подтвержденіе этого мнѣнія я приведу слѣдующій анекдотъ.

Въ Гатчинѣ, насупротивъ оконъ офицерской караульной комнаты, росъ очень старый дубъ, который, я думаю, и теперь еще стоитъ тамъ. Это дерево, какъ сейчасъ помню, было покрыто странными наростами, изъ которыхъ выростало нѣсколько вѣтокъ. Одинъ изъ этихъ наростовъ до того былъ похожъ на Павла, съ его косичкою, что я не могъ удержаться, чтобы не срисовать его. Когда я вернулся въ казармы рисунокъ мой

*) Писано въ 1847 году. Примѣч. издателя.

такъ всѣмъ понравился, что всѣ захотѣли получить съ него копію и въ день слѣдующаго парада я былъ осажденъ просьбами со стороны офицеровъ гвардейской пѣхоты. Воспроизвести его было не трудно и я роздалъ не менѣе тридцати или сорока копій. Несомнѣнно, что при томъ соглядатайствѣ со стороны Гатчинскихъ офицеровъ, которому подвергались всѣ наши дѣйствія, исторія съ моимъ рисункомъ дошла до свѣдѣнія Императора. Будучи вскорѣ послѣ этого еще разъ въ караулѣ я отъ нечего дѣлать занялся срисовываніемъ двухъ очень хорошихъ бюстовъ, стоявшихъ передъ зеркаломъ въ караульной комнатѣ, изъ которыхъ одинъ изображалъ Генриха IV, а другой Сюлли. Окончивъ рисунокъ съ Генриха IV, я былъ очень занятъ срисовываніемъ Сюлли, когда въ комнату незамѣтно вошелъ Императоръ, сталъ сзади меня и, ударивъ меня слегка по плечу, спросилъ:

— „Что вы дѣлаете?“

— „Рисую, Государь“, — отвѣчалъ я.

— „Прекрасно! Генрихъ IV очень похожъ, когда будетъ оконченъ. Я вижу, что вы можете сдѣлать хорошій портретъ . . . Дѣлали вы когда нибудь мой? . . .“

— „Много разъ, Ваше Величество.“

Государь громко разсмѣялся, взглянулъ на себя въ зеркало и сказалъ: „Хорошъ для портрета!“ Затѣмъ онъ дружески хлопнулъ меня по плечу и вернулся въ свой кабинетъ, смѣясь отъ души.

Думаю, что нельзя было поступить снисходительнѣе съ молодымъ человѣкомъ, который нарисовалъ его каррикатуру, но въ которомъ онъ не имѣлъ поводу предполагать какого либо дурного умысла.

Несомнѣнно, что въ основѣ характера Императора Павла лежало истинное великодушіе и благородство и не смотря на то, что онъ былъ ревнивъ къ власти, онъ презиралъ тѣхъ, кто раболѣпно подчинялись его волѣ въ ущербъ правдѣ и справедливости и наоборотъ уважалъ людей, которые безстрашно противились вспышкамъ его гнѣва, чтобы защитить невиннаго. Вотъ между прочимъ причина, по которой онъ до самой своей смерти оказывалъ величайшее уваженіе и вниманіе Оберъ-шталмейстеру Сергѣю Ильичу Муханову.

Но довольно о Гатчинѣ съ ея маневрами, вахтъ-парадами празднествами и танцами на гладкомъ и скользкомъ паркетѣ дворца. Хотя вспыльчивый характеръ Павла и былъ причиною многихъ прискорбныхъ случаевъ (многіе изъ которыхъ связаны съ воспоминаніемъ о Гатчинѣ), но нельзя не высказать сожалѣнія, что этотъ безусловно благородный, великодушный и *честный* Государь, столь нелицепріятный, искренно и горячо *желавшій* добра и правды, не процарствовалъ долѣе и не очистилъ *высшую чиновную аристократію, столь развращенную въ Россіи,* отъ нѣкоторыхъ ея недостойныхъ членовъ. Павелъ I всегда радъ

былъ слышать *истину,* для которой слухъ его всегда былъ открытъ, а вмѣстѣ съ нею онъ готовъ былъ уважать и выслушать то лицо, отъ котораго онъ ее слышалъ.

Хотя раздача наградъ и милостей царскихъ и зависѣла отъ личной благосклонности Императора къ данному лицу, но милостями этими никогда не опредѣлялись повышенія по службѣ, вслѣдствіе чего судъ надъ начальниками и подчиненными былъ справедливъ и нелицепріятенъ. Корнетъ могъ свободно и безбоязненно требовать военнаго суда надъ своимъ полковымъ командиромъ, вполнѣ расчитывая на безпристрастное разбирательство дѣла. Это обстоятельство было для меня тѣмъ щитомъ, которымъ я ограждался отъ Великаго Князя Константина Павловича во все время его командованія (шефства) нашимъ Полкомъ и при помощи котораго я могъ съ успѣхомъ бороться противъ его вспыльчивости и горячности. Одно только упоминаніе о военномъ судѣ приводило Его Высочество въ настоящій ужасъ. Тѣмъ не менѣе я долженъ здѣсь упомянуть, что много лѣтъ спустя, а именно въ Декабрѣ 1829 года, когда я свидѣлся съ Константиномъ Павловичемъ въ Дрезденѣ, онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и, въ присутствіи своего побочнаго сына *Г. Александрова,* вспоминая о происходившихъ между нами ссорахъ, чистосердечно со-

знался, что онъ былъ постоянно не правъ и съ полнымъ благородствомъ призналъ совершенную правильность моихъ дѣйствій относительно него. Мнѣ особенно пріятно писать эти строки и засвидѣтельствовать *здѣсь на землѣ,* что Великій Князь, котораго обыкновенно очень строго осуждали, не былъ лишенъ, какъ увѣряли многіе, добродѣтелей и прежде всего смиренія и доброжелательства.

Какъ доказательство того уваженія, которое Императоръ Павелъ питалъ къ постановленіямъ военныхъ судовъ и его безпристрастія въ дѣлѣ правосудія, можно привести слѣдующій случай.

Въ первый годъ его царствованія Генералъ-Прокуроромъ Сената былъ *Графъ Самойловъ,* родственникъ нѣкоего *Генерала Лаврова,* женатаго на сестрѣ извѣстнаго богача *Демидова.* Лавровъ былъ человѣкъ распутный, большой игрокъ и обремененъ долгами. Жена его была особа довольно легкихъ нравовъ, обладала большимъ состояніемъ и находилась въ связи съ тремя офицерами нашего полка. Оставшись чрезвычайно довольна усердіемъ и вниманіемъ своихъ обожателей, Генеральша выдала каждому изъ нихъ по векселю въ 30 тысячъ рублей. Супругъ, взбѣшенный тѣмъ, что такая значительная сумма ускользнула изъ его рукъ, подалъ прошеніе въ Сенатъ, заявляя, что жена его идіотка, неспособная даже прочесть сумму, вписанную въ текстъ векселя,

на которомъ первоначально стояло 3000 рублей и что лишній ноль на каждомъ изъ векселей былъ прибавленъ ея любовниками, которыхъ онъ кстати и обвинялъ въ подлогѣ.

Сенатъ, подъ вліяніемъ Генералъ-Прокурора Самойлова, призналъ офицеровъ виновными въ подлогѣ и приговорилъ къ разжалованію. Приговоръ этотъ былъ представленъ на утвержденіе Государя; но послѣдній, вмѣсто того чтобы утвердить постановленіе Сената, велѣлъ созвать въ нашемъ полку военный судъ.

Въ качествѣ младшаго члена полковаго суда мнѣ пришлось подавать свой голосъ первымъ и я прежде всего предложилъ спросить Генеральшу Лаврову, считаетъ ли она сама эти три векселя подложными? Г-жа Лаврова прислала письменное заявленіе, въ которомъ сообщала, что подлога нѣтъ, что она любитъ этихъ трехъ офицеровъ и желаетъ сдѣлать имъ подарокъ, а что мужъ ея „лжецъ". Тогда я подалъ голосъ за то, чтобы офицеры были оправданы въ подлогѣ, но были уволены изъ полка за поведеніе, недостойное дворянина. Военный судъ единогласно принялъ это рѣшеніе, приговоръ былъ представленъ Государю, который и утвердилъ его, отмѣнивъ рѣшеніе Сената и сдѣлавъ Сенаторамъ строгій выговоръ. Впослѣдствіи эти три офицера неоднократно высказывали мнѣ свою благодарность.

Императоръ Павелъ, какъ я уже говорилъ, былъ искреннимъ христіаниномъ, человѣкомъ глубоко религіознымъ, отличался съ ранняго дѣтства богобоязненностью и благочестіемъ. По взглядомъ своимъ это былъ совершенный джентельмэнъ, который зналъ какъ надо обращаться съ истинно-порядочными людьми, хотя бы они и не принадлежали къ родовой или служебной аристократіи. Я находился на службѣ въ теченіи всего царствованія этого государя, не пропустилъ ни одного ученія или вахтъ-парада и могу засвидѣтельствовать, что хотя онъ часто сердился, но я никогда не слыхалъ, чтобы изъ устъ его исходила обидная брань*). Какъ доказательство его рыцарскихъ, доходившихъ даже до крайности воззрѣній, можетъ служить то, что онъ совершенно серьозно предложилъ Бонапарту дуэль въ Гамбургѣ съ цѣлью положить этимъ поединкомъ предѣлъ разорительнымъ войнамъ, опустошавшимъ Европу. Свидѣтелями, со стороны Императора, должны были быть *Паленъ* и *Кутайсовъ*. Не смотря на всю причудливость и несовременность подобнаго вызова, большинство монарховъ, не исключая самого Наполеона, отдали полную справедливость высоко-

---

*) Однажды впрочемъ на одномъ парадѣ онъ такъ разгорячился, что ударилъ трехъ офицеровъ тростью и, увы, жестоко заплатилъ за это въ послѣднія минуты своей жизни. Пр. Автора.

гуманнымъ побужденіямъ, руководившимъ русскимъ государемъ, сдѣлавшимъ столь рыцарское предложеніе съ полною искренностью и чистосердечіемъ.

Кстати о рыцарствѣ, мнѣ пришло на память нѣсколько случаевъ, бывшихъ въ Павловскѣ, лѣтней резиденціи императорскаго семейства. Ихъ Величества находились въ Павловскѣ преимущественно весною и раннимъ лѣтомъ, такъ какъ во время сильныхъ Іюльскихъ жаровъ они предпочитали Петергофъ на Финскомъ заливѣ, гдѣ воздухъ былъ морской и болѣе свѣжій. Павловскъ, принадлежавшій лично Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, былъ устроенъ чрезвычайно изящно и всякій клочекъ земли здѣсь носилъ отпечатокъ ея вкуса, наклонностей, воспоминаній о заграничныхъ путешествіяхъ и т. п. Здѣсь былъ павильонъ розъ, напоминавшій Тріанонскій; шалѐ, подобные тѣмъ, которыя она видѣла въ Швейцаріи; мельница и нѣсколько фермъ на подобіе Тирольскихъ; были сады, напоминавшіе сады и террасы Италіи. Театръ и длинныя аллеи были заимствованы изъ Фонтэнблѐ и тамъ и сямъ виднѣлись искусственныя развалины. Каждый вечеръ устраивались сельскіе праздники, поѣздки, спектакли, импровизаціи, разные сюрпризы, балы и концерты, во время которыхъ Императрица, ея прелестныя дочери и невѣстки, своею привѣтливостью, придавали этимъ развлеченіямъ восхитительный ха-

рактеръ. Самъ Павелъ предавался имъ съ увлеченіемъ и его поклоненіе женской красотѣ зачастую заставляло его указать на какую нибудь Дульцинею, что́ его услужливый Фигаро или Санчо-Панса-Кутайсовъ, немедленно и принималъ къ свѣдѣнію, стараясь исполнить желаніе своего Господина.

Однажды, на одномъ изъ баловъ данныхъ въ Москвѣ по случаю его пріѣзда въ 1798 году, Императоръ былъ совершенно очарованъ огненными черными глазами дѣвицы Анны Лопухиной. Кутайсовъ, которому Павелъ сообщилъ о произведенномъ на него впечатлѣніи, немедленно же разсказалъ объ этомъ отцу дѣвицы, съ которымъ и былъ заключенъ договоръ, имѣвшій цѣлью плѣнить сердце Его Величества.

„La troupe dorée". какъ Императоръ называлъ насъ, офицеровъ Конной Гвардіи въ виду нашей элегантности и цвѣта нашихъ мундировъ, ярко-красныхъ „tirant sur l'orange", въ качествѣ постоянныхъ кавалеровъ Павловскихъ увеселеній, вскорѣ узнала объ этой любовной интригѣ, о которой мы стали болтать довольно свободно. Это скоро дошло до свѣдѣнія Государя, вслѣдствіе чего полкъ нашъ нѣкоторое время былъ въ немилости. Впрочемъ она была непродолжительна, такъ какъ дѣвица Лопухина сама къ намъ очень благоволила и при томъ же двѣ ея сестры вскорѣ вышли замужъ за офицеровъ нашего полка: одна за Демп-

дова, другая за Графа Кутайсова, сына Шталмейстера. Анна Петровна Лопухина вскорѣ была пожалована фрейлиною и приглашена жить въ Павловскѣ. Для нея было устроено особое помѣщеніе, нѣчто въ родѣ дачи, въ которую Павелъ могъ легко пройти изъ „Розоваго Павильона“ не будучи никѣмъ замѣченнымъ. Онъ являлся туда каждый вечеръ, какъ онъ въ началѣ самъ воображалъ, съ чисто платоническими чувствами восхищенія; но брадобрѣй и papa-Лопухинъ лучше знали человѣческую натуру и вѣрнѣе смотрѣли на будущее. Имъ постепенно удалось разжечь чувства Павла къ дѣвушкѣ путемъ упорнаго ея сопротивленія желаніямъ Его Величества, что впрочемъ она и дѣлала вполнѣ искренно, такъ какъ, будучи еще въ Москвѣ, она испытывала довольно серьезную привязанность къ одному *Князю Гагарину*, служившему Маіоромъ въ арміи и находившемуся теперь въ Италіи, въ войскахъ Суворова. Однажды, въ одинъ изъ вечеровъ, когда Павелъ оказался болѣе предпріимчивымъ, чѣмъ обыкновенно, Лопухина неожиданно разрыдалась, прося оставить ее и призналась Государю въ своей любви къ Гагарину. Императоръ былъ пораженъ, но его рыцарскій характеръ и врожденное благородство тотчасъ проявили себя: онъ немедленно же рѣшилъ отказаться отъ любви къ дѣвушкѣ, сохранивъ за собою только чувства дружбы и тутъ же захотѣлъ выдать ее замужъ

за человѣка, къ которому она питала такую горячую любовь. Суворову немедленно посланы были приказанія вернуть въ Россію Князя Гагарина. Въ это самое время послѣдній только что отличился въ какомъ-то сраженіи и его поэтому отправили въ Петербургъ съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ. Я находился въ дворцѣ, когда Князь Гагаринъ прибылъ ко двору и вынесъ о немъ впечатлѣніе какъ объ очень красивомъ, хотя и не высокаго роста человѣкѣ. Императоръ тотчасъ же наградилъ его орденомъ, самъ привелъ къ его возлюбленной и въ теченіи всего этого дня былъ искренно доволенъ и преисполненъ гордости отъ сознанія своего дѣйствительно геройскаго самопожертвованія.

И вечеромъ на „маленькомъ дворцовомъ балу“ онъ имѣлъ положительно счастливый и довольный видъ, съ восторгомъ говорилъ о своемъ красивомъ и счастливомъ соперникѣ и представилъ его многимъ изъ насъ съ видомъ искренняго добродушія. Съ своей стороны, я лично ни на минуту не сомнѣвался въ искренности Павла, благородная душа котораго одержала побѣду надъ сердечнымъ влеченіемъ. Не будь Кутайсова и Лопухина-отца, которые изъ личныхъ выгодъ потакали дурнымъ страстямъ Императора и привлекли въ эту интригу даже самого Гагарина, не будь всего этого — нѣтъ никакого сомнѣнія, что Княгиня Анна Гагарина, рожденная Лопу-

хина, никогда не была бы maitresse en titre Павла въ моментъ убійства этого злополучнаго Государя.

Одновременно съ этими любовными интригами совершались крупныя политическія событія: союзъ между Россіей и Англіей и всѣмъ континентомъ противъ революціонной Франціи — былъ заключенъ. Суворовъ, вызванный изъ ссылки, назначенъ былъ Генералиссимомъ союзной Русско-Австрійской арміи, дѣйствовавшей въ Италіи въ Февралѣ 1799 года. Другая русская армія подъ начальствомъ Генерала Германа была отправлена въ Голландію для совмѣстныхъ дѣйствій съ арміей Герцога Іоркскаго, имѣвшей цѣлью атаковать Францію съ сѣвера. Наконецъ и едва ли не важнѣйшимъ событіемъ было избраніе Императора Гросмейстеромъ Мальтійскаго Ордена, вслѣдствіе чего островъ Мальта былъ взятъ подъ его покровительство. Павелъ былъ въ восторгѣ отъ этого титула и это обстоятельство въ связи съ романтической любовью, овладѣвшей его чувствительнымъ сердцемъ, привело его въ совершенный экстазъ. Щедрости его не было предѣловъ: онъ велѣлъ купить три дома на набережной Невы и соединить ихъ въ одинъ дворецъ, который подарилъ Князю Гагарину, снисходительному супругу черноокой Дульцинеи. Лопухинъ-отецъ былъ сдѣланъ свѣтлѣйшимъ Княземъ и назначенъ Генералъ-Прокуроромъ Сената: должность чрезвычайно важ-

ная, напоминающая отчасти, по значенію своему, должность Перваго Лорда Казначейства въ Англіи, нѣчто въ родѣ Перваго Министра. Кутайсовъ, исполнявшій свою роль Фигаро при Гросмейстерѣ Мальтійскаго Ордена, продолжалъ служить для любовныхъ порученій, вслѣдствіе чего онъ изъ брадобрѣевъ былъ пожалованъ въ Графы и сдѣланъ Шталмейстеромъ Ордена. Онъ купилъ себѣ домъ по сосѣдству съ дворцомъ Княгини Гагариной и поселилъ въ немъ свою любовницу, французскую актрису Шевалье. Я не разъ видѣлъ какъ Государь самъ привозилъ его туда и затѣмъ заѣзжалъ за нимъ, возвращаясь отъ своей любовницы.

При этомъ *la troupe dorée,* т. е. офицеры Конной Гвардіи обязаны были принимать участіе въ томъ, что происходило во дворцѣ. Едва подписанъ былъ союзный трактатъ съ Англіей, я получилъ приказаніе отправиться въ Петербургъ и изготовить себѣ мундиръ точь въ точь подобный тому который носила Англійская Конная Гвардія (Horse Guards) — красный съ синими отворотами, вышитыми золотомъ. Это было нелегко, ибо кромѣ соотвѣтствующаго сукна нужно было знать покрой англійскихъ мундировъ. Но счастье и тутъ мнѣ благопріятствовало и вскорѣ я отыскалъ одного англичанина, по имени *Дональдсона,* который былъ когда-то портнымъ Принца Валлійскаго, и сообщилъ ему о своемъ желаніи. Онъ сдѣлалъ мнѣ мундиръ менѣе чѣмъ въ два дня и я

тотчасъ вернулся въ Павловскъ, въ новомъ мундирѣ, которомъ восхищались всѣ и въ особенности Великія Княжны. Два или три другихъ офицера нашего полка едва успѣли сшить себѣ такіе мундиры, какъ вышло новое приказаніе: Конной Гвардіи имѣть мундиры *пурпуроваго* цвѣта. Пурпуръ былъ цвѣтъ Мальтійскихъ Гросмейстеровъ, почему Конная Гвардія и получила этотъ цвѣтъ. Въ теченіе четырехлѣтняго царствованія Павла цвѣтъ и покрой нашихъ мундировъ былъ измѣненъ не менѣе девяти разъ.

Да не подумаетъ однако читатель, что во все это время любовныхъ переговоровъ, новыхъ политическихъ комбинацій, перемѣны формъ, празднествъ и увеселеній происходившихъ въ Павловскѣ, измѣнились или уничтожились тѣ дисциплинарныя строгости, которыя были заведены въ Гатчинѣ и въ Петербургѣ. Напротивъ того ихъ было столько же, если небольше, тѣмъ болѣе, что почти ежедневно дѣлались смотры. Эти смотры дѣлались не надъ корпусами, какъ во время маневровъ, а надъ небольшими частями, вслѣдствіе чего всякая малѣйшая ошибка дѣлалась замѣтнѣе. Тутъ же въ Павловскѣ находилась такъ называемая цитадель или фортъ, по имени *Бипъ,* куда сажали подъ арестъ провинившихся офицеровъ. Такъ напр. сюда попали два Полковника изъ донскихъ казаковъ, братья Залувецкіе, прославившіеся своими боевыми подвигами въ Итальянскую

кампанію 1799 года, которые были арестованы за остроумно-смѣлые отвѣты Павлу.

Флота-Капитанъ Чичаговъ также долженъ былъ отправиться подъ арестъ за рѣзкій, почти дерзкій отвѣтъ Императору. Однако Чичаговъ воспротивился этому приказанію и не хотѣлъ идти подъ арестъ, ссылаясь на привиллегіи, связанныя съ Георгіевскимъ крестомъ, кавалеромъ котораго онъ состоялъ. Взбѣшенный этимъ сопротивленіемъ, Императоръ велѣлъ *сорвать съ него Георгіевскій крестъ,* что и было исполнено безъ всякаго колебанія дежурнымъ Генералъ-Адъютантомъ *Уваровымъ.* При такомъ оскорбленіи, возмущенный Чичаговъ сбросилъ съ себя мундиръ и въ одномъ жилетѣ отправился въ фортъ. Впрочемъ, подъ арестомъ его продержали всего нѣсколько дней и вскорѣ послѣ этого онъ даже былъ произведенъ въ Контръ-Адмиралы и получилъ въ командованіе эскадру.

Этотъ Уваровъ былъ Полковникомъ одного изъ полковъ, квартировавшихъ въ Москвѣ, въ то время, когда Павелъ впервые увидѣлъ Лопухину и увлекся ея блестящими черными глазами. Будучи любовникомъ матери Лопухиной, Уваровъ естественно принималъ также участіе во всѣхъ махинаціяхъ, имѣвшихъ цѣлью завлечь Императора въ любовныя сѣти. Вмѣстѣ съ Лопухиными прибылъ онъ въ Павловскъ, былъ переведенъ въ Конную Гвардію, вскорѣ же сдѣланъ Генералъ-

Адъютантомъ и все время повышался въ милостяхъ наравнѣ съ Лопухиными. Во время обѣда даннаго заговорщиками, именовавшихъ себя послѣ убійства Павла „освободителями“, Уваровъ припомнилъ Чичагову, что онъ сорвалъ съ него Георгіевскій крестъ. Чичаговъ отвѣчалъ: „Если Вы будете служить нынѣшнему“ Императору такъ же „вѣрно“ какъ его предшественнику, то заслужите себѣ достойную награду. Уваровъ въ качествѣ довѣреннаго Генералъ-Адъютанта Павла былъ дежурнымъ въ ночь съ 11 на 12-ое Марта и, какъ извѣстно, былъ въ тоже время однимъ изъ главныхъ дѣятелей заговора.

Во всемъ мірѣ едва-ли найдется страна, въ которой цѣлый рядъ Государей былъ бы одушевленъ такимъ горячимъ чувствомъ патріотизма какъ домъ Романовыхъ въ Россіи. Правда, многіе сановники, министры и царедворцы нерѣдко злоупотребляли личными слабостями и недостатками нѣкоторыхъ изъ Государей, да и сами они зачастую, благодаря чрезмѣрной самонадѣянности, уклонялись съ истиннаго пути; тѣмъ не менѣе, на сколько я могу судить по личнымъ моимъ наблюденіямъ, я вынесъ искреннее убѣжденіе въ томъ, что въ основѣ всякаго дѣйствія этихъ Государей всегда лежало чувство горячей любви къ родинѣ. Государи русскіе искони гордились величіемъ этого обширнѣйшаго въ мірѣ государства и нерѣдко считали необходимымъ принимать мѣры

сообразныя съ этимъ величіемъ, вслѣдствіе чего славолюбіе это часто обращалось въ личное тщеславіе, а мудрая экономія въ расточительность. Но помимо свойственной всякому человѣку склонности къ тщеславію, Русскіе Государи имѣютъ два повода, до извѣстной степени извиняющіе это сремленіе къ похваламъ. Начать съ того, что большая часть какъ мужскихъ такъ и женскихъ представителей этого Дома всегда отличалась замѣчательною красотою и физическою силою.

Во вторыхъ, въ силу историческихъ условій, они сдѣлались представителями военнаго сословія: съ самыхъ древнѣйшихъ временъ Россія находилась въ постоянной войнѣ со своими сосѣдями и во главѣ ея армій всегда стояли ея Монархи, сначала Цари Московскіе, а затѣмъ Императоры Всероссійскіе. Благодаря этому, любовь къ военной славѣ передавалась отъ отца къ сыну и сдѣлалась преобладающею страстью въ этой семьѣ. И дѣйствительно, не можетъ не возбуждать самолюбія и тщеславія одинъ видъ многихъ тысячъ людей, которые двигаются, стоятъ, поворачиваются и бѣгутъ по одному слову, одному знаку этого монарха. Одинъ весьма остроумный, высокопоставленный и вліятельный при Дворѣ офицеръ, говоря о громадныхъ средствахъ расходуемыхъ государствомъ на содержаніе постояннаго войска, весьма справедливо замѣтилъ:

„Да впрочемъ оно такъ и должно быть, ибо до тѣхъ поръ пока у насъ не будетъ царя-калѣки, мы никогда не дождемся перемѣны во взглядахъ и привычкахъ нашихъ Государей. Toujours joli garçon, toujours caporal!“

Перехожу теперь къ описанію событій закончившихся убійствомъ Павла.

Глава III.

Переформированіе Конной Гвардіи. — Кавалергардскій Полкъ. — Зловѣщіе слухи. — Возвращеніе Конной Гвардіи въ Петербургъ. — Собранія у заговорщиковъ. — Предчувствія Павла. — Расположеніе Карауловъ въ Михайловскомъ замкѣ. — Послѣдній разговоръ съ Императоромъ. — Онъ смѣняетъ караулъ Конной Гвардіи. — Ночь съ 11 на 12 Марта 1701. — Присяги Конногвардейцевъ. — Сцена убійства. — Императрица Марія Ѳеодоровна. — Прощаніе съ тѣломъ Императора. — Первые дни Александра. — Паленъ и Зубовъ. — Ихъ высылка изъ Петербурга.

Императоръ Павелъ находился въ Павловскѣ, окруженный интригами и волнуемый попеременно чувствами любви, великодушія и ревности. Въ томъ-же состояніи переѣхалъ онъ въ Гатчину, а затѣмъ въ Петербургъ. Многіе изъ его приближенныхъ сознавали, что ихъ положеніе при дворѣ чрезвычайно опасно и что въ любую минуту, раскаяваясь въ только что совершенномъ поступкѣ, Государь можетъ перенести свое расположеніе на новое лицо и уничтожить ихъ всѣхъ. Великіе

Князья также находились въ постоянномъ страхѣ: оба они были командирами полковъ и, въ качествѣ таковыхъ, ежедневно, во время парадовъ и ученій, получали выговоры за малѣйшія ошибки, причемъ въ свою очередь подвергали солдатъ строгимъ наказаніямъ, а офицеровъ сажали подъ арестъ. Конную Гвардію щадили болѣе другихъ. Въ то время полкъ этотъ состоялъ изъ двухъ баталіоновъ, по пяти эскадроновъ въ каждомъ и духъ полка (esprit de corps) былъ таковъ, что мы были въ силахъ противиться всякимъ несправедливостямъ и напраснымъ на насъ нападкамъ. Этотъ духъ нашего полка постарались представить въ глазахъ Государя, какъ направленіе опасное, какъ духъ крамольный, пагубно вліяющій на другіе полки. Гибель нашего полка могли удовлетворить два частныхъ интереса. *Великій Князь Александръ* былъ Инспекторомъ всей пѣхоты — *Константинъ Павловичъ,* который ничего не смыслилъ въ кавалерійскомъ дѣлѣ, хотѣлъ сдѣлаться Инспекторомъ Кавалеріи и, въ качествѣ переходной ступени къ этой должности, добивался командованія Конной Гвардіей. Въ то же время служившій въ Конномъ Полку *Уваровъ* хотѣлъ также получить отдѣльный полкъ. Такимъ образомъ эти два желанія могли быть удовлетворены одновременно, пожертвовавъ нашимъ полкомъ. Вотъ почему Конная Гвардія была реорганизована, или вѣрнѣе дезорганизована слѣдующимъ образомъ: три эскадрона, состоявшіе

изъ лучшихъ людей и лошадей, были выдѣлены изъ полка и составили особый Кавелергардовъ Полкъ, который былъ порученъ Уварову и квартировалъ въ Петербургѣ; остальная часть полка была раздѣлена на пять эскадроновъ и отдана подъ начальство Великаго Князя Константина. Полкъ нашъ былъ изгнанъ въ Царское Село, гдѣ Цесаревичъ долженъ былъ посвящать насъ въ тайны гарнизонной службы.

Нельзя себѣ представить тѣхъ жестокостей, которымъ подвергалъ насъ Константинъ и его Измайловскіе мирмидоны. Тѣмъ не менѣе духъ полка не легко было сломить и страхъ Константина при одномъ упоминаніи о военномъ судѣ, неоднократно сдерживалъ его горячность и безпричинную жестокость. Своей неуступчивости и твердости, въ это тяжелое время, обязанъ я тѣмъ вліяніемъ въ полку, которое я сохранилъ до конца моей службы въ Конной Гвардіи и которое спасло этотъ благородный полкъ отъ всякаго участія въ низкомъ заговорѣ, приведшемъ къ убійству Павла.

Въ Царскомъ Селѣ насъ продержали около полутора года. Начальниковъ нашихъ постоянно мѣняли и намъ было извѣстно, что за всѣми нами строго слѣдятъ, такъ какъ считали насъ якобинцами. Большинству изъ офицеровъ не особенно нравился нашъ образъ жизни изгнанниковъ, удаленныхъ изъ столицы; но я лично не особенно грустилъ, такъ какъ, судя по слухамъ доходив-

шимъ до насъ изъ Петербурга, тамъ было повидимому не совсѣмъ ладно и поговоривали даже, что Императоръ опасается за свою личную безопасность.

Его Величество со всѣмъ Августѣйшимъ семействомъ оставилъ старый дворецъ и переѣхалъ въ Михайловскій, выстроенный на подобіе укрѣпленнаго замка, съ подъемными мостами, рвами, потайными лѣстницами, подземными ходами — словомъ напоминалъ собою средневѣковую крѣпость à l'abris d'un coup de main.

Княгиня Гагарина оставила домъ своего мужа и была помѣщена въ новомъ дворцѣ, подъ самымъ кабинетомъ Императора, который сообщался посредствомъ особой лѣстницы съ ея комнатами, а также съ помѣщеніемъ *Кутайсова*.

Графы *Ростопчинъ* и *Аракчеевъ*, два человѣка, которыхъ Павелъ раньше считалъ самыми вѣрными и исполнительными своими слугами, были высланы въ свои помѣстья. До насъ дошли слухи, что *Графъ Паленъ* получилъ постъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ и Главноуправляющаго Почтовымъ вѣдомствомъ, сохранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ должность Военнаго Губернатора Петербурга и въ качествѣ таковаго начальника гарнизона и всей полиціи. Мы узнали, что всѣ Зубовы, которые были высланы въ свои деревни, вернулись въ Петербургъ, а вмѣстѣ съ ними *Г-жа Жеребцова, рожденная Зубова, извѣстная своею связью съ Лордомъ*

Уитвортомъ, что всѣ они приняты ко Двору и сдѣлались близкими, интимными друзьями въ домѣ добраго и честнаго Генерала *Обольянинова,* Генералъ-Прокурора Сената. Мы слышали также, что у нѣкоторыхъ генераловъ — *Талызина,* двухъ *Ушаковыхъ, Деперадовича* и другихъ — бываютъ часто интимныя сборища, устраиваются de petits soupers fins, которыя длятся за полночь и что бывшій Полковникъ *Хитровъ,* прекрасный и умный человѣкъ, но настоящій roué, близкій къ Константину, также устраиваетъ маленькіе „рауты" близь самаго Михайловскаго Дворца.

Всѣ эти новости, которыя раньше были запрещены, доказывали намъ, что въ Петербургѣ происходитъ что-то необыкновенное, тѣмъ болѣе что патрули и „рунды" около Михайловскаго Дворца постоянно были на готовѣ.

Зимою 1800 года въ дипломатическихъ кругахъ Петербурга царило сильное безпокойство: Императоръ Павелъ, недовольный поведеніемъ Австріи во время Итальянской кампаніи Суворова 1799 года и образомъ дѣйствій Англіи въ Голландіи, внезапно выступилъ изъ Коалиціи и, въ качествѣ Гросмейстера Мальтійскаго Ордена, объявилъ Англіи войну, которую собирался энергично начать весною 1801 года. Въ Февралѣ того же года полкъ нашъ возвращенъ изъ Царскосельской ссылки и помѣщенъ въ Петербургѣ въ *домѣ Гарновскаго.* Генералъ-Маіоръ *Кожинъ,* который во

время нашей ссылки былъ назначенъ къ намъ въ качествѣ строгаго службиста, — переведенъ въ армейскій полкъ, а Генералъ-Лейтенантъ *Тормасовъ* — превосходный офицеръ и достойнѣйшій человѣкъ — сдѣланъ нашимъ Полковымъ Командиромъ, — милость, которую мы просто не знали чѣмъ себѣ объяснить.

По возвращеніи въ Петербургъ я былъ самымъ радушнымъ образомъ принятъ старыми друзьями и даже самимъ Гр. Паленомъ, Генераломъ *Талызинымъ* и многими другими, а также Зубовыми и Обольяниновыми. Меня стали приглашать на интимные обѣда причемъ меня всегда поражало одно обстоятельство: послѣ этихъ обѣдовъ, по вечерамъ никогда не завязывалось общаго разговора, но всегда бесѣдовали отдѣльными кружками, которые тотчасъ разходились, когда къ нимъ подходило новое лицо. Я замѣтилъ, что Генералъ Талызинъ и другіе подошли ко мнѣ, какъ будто съ намѣреніемъ сообщить мнѣ что-то по серкету, а затѣмъ остановились, сдѣлались задумчивыми и замолкли. Вообще по всему видно было, что въ этомъ обществѣ затѣвалось что то необыкновенное. Судя же по той вольности, съ которой Императора порицали, высмѣивали его странности и осуждали его строгости, я сразу догадался, что противъ него затѣвается заговоръ. Подозрѣнія мои особенно усилились послѣ одного обѣда у Талызина (за которымъ насъ было четверо), послѣ

„petite soirée“ у Хитровыхъ и раута у Зубовыхъ. Когда однажды, за обѣдомъ у Палена, я нарочно довольно рѣзко выразился объ Императорѣ, Графъ посмотрѣлъ мнѣ пристально въ глаза и сказалъ: „J— f— qui parle et brave homme qui agit“. Всего этого было достаточно, чтобы разсѣять мои сомнѣнія и обстоятельство это глубоко меня разстроило. Я вспомнилъ свой домъ, свою присягу на вѣрность, припомнилъ многія добрыя качества Павла и въ концѣ концовъ почувствовалъ себя очень несчастнымъ. Между тѣмъ всѣ эти догадки не представляли ничего опредѣленнаго: не было ничего осязательнаго, на основаніи чего я могъ бы дѣйствовать или даже держаться извѣстнаго образа дѣйствій. Въ такомъ состояніи нерѣшительности я отправился къ моему старому другу *Тончи* *), который сразу разрѣшилъ мое недоумѣніе сказавъ слѣдующее: „Будь вѣренъ своему Государю и дѣйствуй твердо и добросовѣстно; но такъ какъ ты съ одной стороны не въ силахъ измѣнить страннаго поведенія Императора, ни удержать, съ другой стороны, намѣреній народа, каковыя бы они ни были, то тебѣ надле-

*) Тончи былъ родомъ Неаполитанскій дворянинъ, прибывшій въ Россію въ свитѣ Польскаго Короля въ качествѣ философа, поэта и художника. Это былъ чрезвычайно умный и образованный человѣкъ. Онъ любилъ меня какъ сына и смотрѣлъ какъ на своего воспитанника. Я много обязанъ этому почтенному человѣку. Прим. автора.

житъ держаться въ разговорахъ того строгаго и благоразумнаго тона, въ силу котораго никто бы не осмѣлился подойти къ тебѣ съ какими бы то ни было секретными предложеніями." Я всѣми силами старался слѣдовать этому совѣту и, благодаря ему, мнѣ удалось остаться въ сторонѣ отъ ужасныхъ событій этой эпохи.

Около этого времени Великая Княгиня *Александра Павловна,* супруга Эрцгерцога Іосифа, Палатина Венгерскаго, была при смерти больна и извѣстіе о ея кончинѣ ежечасно ожидалось изъ Вѣны. Императоръ Павелъ былъ чрезвычайно недоволенъ Австріей за ея образъ дѣйствій въ Швейцаріи, результатомъ котораго было пораженіе *Корсакова* подъ Цюрихомъ и совершенная неудача знаменитой кампаніи Суворова въ Италіи, откуда онъ отступилъ на сѣверъ черезъ Сенъ-Готардъ. — Англіи была объявлена война, на имущества англичанъ наложено эмбарго и уже дѣлались большія приготовленія, дабы въ союзѣ съ Франціей, начать морскую войну противъ этой державы съ открытіемъ весенней навигаціи.

Всѣ эти обстоятельства произвели на общество удручающее впечатлѣніе. Дипломатическій Корпусъ прекратилъ свои обычные пріемы; значительная часть Петербургскихъ домовъ, изъ которыхъ нѣкоторые славились своимъ широкимъ гостепріимствомъ, измѣнили свой образъ жизни. Самый дворъ, запертый въ Михайловскомъ Замкѣ,

охранявшемся на подобіе средневѣковой крѣпости, также влачилъ скучное и однообразное существованіе. Императоръ, помѣстившій свою любовницу въ Замкѣ, уже не выѣзжалъ, какъ онъ это дѣлалъ прежде и даже его верховыя прогулки ограничивались такъ называемымъ *третьимъ лѣтнимъ садомъ,* куда, кромѣ самого Императора, Императрицы и ближайшихъ лицъ свиты, никто не допускался. Аллеи этого парка или сада постоянно очищались отъ снѣга для зимнихъ прогулокъ верхомъ. Во время одной изъ этихъ прогулокъ, около четырехъ или пяти дней до смерти Императора (въ это время стояла оттепель) Павелъ вдругъ остановилъ свою лошадь и, обернувшись къ Оберъ-Шталмейстеру *Муханову,* ѣхавшему рядомъ съ Императрицей, сказалъ сильно взволнованнымъ голосомъ: „Мнѣ показалось, что я задыхаюсь и у меня не хватаетъ воздуха, чтобы дышать. Я чувствовалъ, что умираю . . . Развѣ они хотятъ задушить меня?“ Мухановъ отвѣчалъ: „Государь, это вѣроятно дѣйствіе оттепели.“ Императоръ ничего не отвѣтилъ, покачалъ головой и лицо его сдѣлалось очень задумчивымъ. Онъ не проронилъ ни единаго слова до самого возвращенія въ Замокъ.

Какое странное предостереженіе! Какое загадочное предчувствіе! Разсказъ этотъ мнѣ сообщилъ Мухановъ, *въ тотъ же вечеръ,* причемъ прибавилъ, что онъ обѣдалъ при дворѣ и что

Императоръ былъ болѣе задумчивъ чѣмъ обыкновенно и говорилъ мало. Отъ Муханова же я узналъ, что Г-жа Жеребцова въ этотъ вечеръ простилась съ Обольяниновыми и что она ѣдетъ за границу. Она остановилась въ Берлинѣ; впрочемъ объ этомъ я еще буду имѣть случай сообщить впослѣдствіи.

Теперь я подхожу къ чрезвычайно знаменительной эпохѣ въ исторіи Россіи, эпохѣ, въ событіяхъ которой мнѣ, до извѣстной степени, пришлось быть дѣйствующимъ лицомъ и живымъ свидѣтелемъ и очевидцемъ многихъ обстоятельствъ, причемъ нѣкоторыя подробности объ этихъ крайне важныхъ событіяхъ я узналъ немедленно же и изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. При описаніи этихъ событій мною руководитъ искреннее желаніе сказать правду, одну только правду. Тѣмъ не менѣе я буду просить читателя строго различать то, что я лично видѣлъ и слышалъ, отъ тѣхъ фактовъ, которые мнѣ были сообщены другими лицами и о которыхъ я, по необходимости, долженъ упоминать для полноты разсказа.

11 Марта 1801 года, эскадронъ, которымъ я командовалъ и который носилъ мое имя, долженъ былъ выставить караулъ въ Михайловскій Замокъ. Нашъ полкъ имѣлъ во дворцѣ внутренній караулъ, состоявшій изъ 24 рядовыхъ, трехъ унтеръ-офицеровъ и одного трубача. Онъ находился подъ командою офицера и былъ выстроенъ въ комнатѣ,

передъ кабинетомъ Императора, спиною къ ведущей въ него двери. *Корнетъ Андреевскій* былъ въ этотъ день дежурнымъ по караулу.

Черезъ двѣ комнаты стоялъ другой внутренній караулъ отъ Гренадерскаго баталіона Преображенскаго Полка, любимаго Государева полка, который былъ ему особенно преданъ. Этотъ караулъ находился подъ командою Подпоручика *Марина* и былъ, повидимому, съ намѣреніемъ составленъ на одну треть изъ старыхъ Преображенскихъ Гренадеровъ и на двѣ трети изъ солдатъ, включенныхъ въ этотъ полкъ послѣ раскассированія Лейбъ-Гренадерскаго Полка, происшедшаго по внушенію Генерала *Графа Карла Ливена* *), человѣка чрезвычайно строгаго и вспыльчиваго. Полкъ этотъ въ теченіи многихъ царствованій, особенно же при Екатеринѣ, считался однимъ изъ самыхъ блестящихъ храбрыхъ и наилучше-дисциплинированныхъ — и солдаты этого полка, вслѣдствіе его раскассированія, были весьма дурно расположены къ Императору.

*) Это былъ старшій братъ *Князя Ливена*, бывшаго долгое время Посломъ въ Англіи. Графъ Карлъ Ливенъ не долго оставался въ военной службѣ и, удалившись въ свои помѣстья, вскорѣ, по милости Божьей, сдѣлался смиреннымъ и благочестивымъ христіаниномъ. Въ концѣ своей жизни онъ былъ сдѣланъ Членомъ Государственнаго Совѣта и Президентомъ Протестантскаго Синода и состоялъ предсѣдателемъ нѣкоторыхъ Библейскихъ обществъ. Пр. автора.

Главный караулъ (the main guard) во дворѣ Замка (а также наружные часовые) состоялъ изъ роты Семеновскаго Великаго Князя Александра Полка и находился подъ командою капитана, изъ Гатчинцевъ, который, подобно маріонеткѣ, исполнялъ всѣ внѣшнія формальности службы, не отдавши себѣ повидимому никакого отчета, для чего онѣ установлены.

Въ 10 часовъ утра я вывелъ свой караулъ на плацъ-парадъ, а между тѣмъ, какъ происходилъ разводъ, адъютантъ нашего полка *Ушаковъ* сообщилъ мнѣ, что *по именному приказанію Великаго Князя Константина Павловича* я сегодня назначенъ *дежурнымъ полковникомъ по полку.* Это было совершенно противно служебнымъ правиламъ, такъ какъ на полковника, эскадронъ котораго стоитъ въ караулѣ и который обязанъ осматривать посты, никогда не возлагается никакихъ иныхъ обязанностей. Я замѣтилъ это Ушакову нѣсколько раздраженнымъ тономъ и уже собирался немедленно пожаловаться Великому Князю, но, къ удивленію всѣхъ, оказалось что ни его, ни В. К. Александра Павловича не было на разводѣ. Ушаковъ не объяснилъ мнѣ причинъ всего этого, хотя, повидимому, онъ ихъ зналъ.

Такъ какъ я не имѣлъ права не исполнить приказанія Великаго Князя, то я повелъ караулъ во дворецъ и, напомнивъ офицеру о всѣхъ его обязанностяхъ (ибо я не расчитывалъ уже видѣть

его въ теченіи дня), я вернулся въ казармы, чтобы исполнить мою должность дежурнаго по полку.

Въ 8 часовъ вечера, принявъ рапорты отъ дежурныхъ офицеровъ пяти эскадроновъ, я отправился въ Михайловскій Замокъ, чтобы сдать мой рапортъ В. К. Константину, какъ шефу полка.

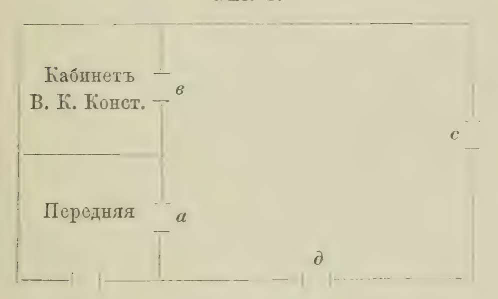
Выходя изъ саней у большого подъѣзда, я встрѣтилъ камеръ-лакея собственныхъ Его Величества аппартаментовъ, который спросилъ меня куда я иду. Я хорошо зналъ этого человѣка, и думая, что онъ спрашиваетъ меня изъ простого любопытства, отвѣчалъ, что иду къ В. К. Константину. „Пожалуйста не ходите“ — отвѣчалъ онъ — „ибо я тотчасъ долженъ донести объ этомъ Государю.“ — „Не могу не пойти“ — сказалъ я — „потому что я дежурный полковникъ и долженъ явиться съ рапортомъ къ его Высочеству; такъ и скажите Государю.“ Лакей побѣжалъ по лѣстницѣ на одну сторону Замка, я подѣялся на другую.

Когда я вошелъ въ передною Константина Павловича, *Рутковскій*, его довѣренный камердинеръ, спросилъ меня съ удивленнымъ видомъ: „Затѣмъ вы пришли сюда?“ — Я отвѣтилъ, бросая шубу на диванъ: — „Вы, кажется, всѣ здѣсь съ ума сошли! Я — дежурный Полковникъ.“ Тогда онъ отперъ дверь но и сказалъ: „Хорошо, войдите.“

Я засталъ Константина въ трехъ-четырехъ шагахъ отъ двери *в*: онъ имѣлъ видъ очень

взволнованный. Я тотчасъ отрапортовалъ ему о состояніи полка. Между тѣмъ пока я рапортовалъ В. Кн. Александръ, вышелъ изъ двери *c* прокрадываясь какъ испуганній заяцъ (like a frightened hare). Въ эту минуту открылась задняя дверь *д* и вошелъ Императоръ propria persona, въ сапогахъ и шпорахъ, съ шляпой въ одной рукѣ и тростью въ другой и направился къ нашей группѣ церемоніальнымъ шагомъ, словно на парадѣ.

Рис. 1.

Александръ поспѣшно убѣжалъ въ собственный аппартаментъ; Константинъ стоялъ пораженный съ руками бьющими по карманамъ, словно безоружный человѣкъ очутившійся передъ медвѣдемъ. Я же, повернувшись, по уставу, на каблукахъ, отрапортовалъ Императору о состояніи полка. Императоръ сказалъ: „А, ты дежурный!“ очень учтиво кивнулъ мнѣ головой, повернулся и пошелъ къ двери *д*. Когда онъ вышелъ, Але-

ксандръ немного открылъ *свою* дверь и заглянулъ въ комнату. Константинъ стоялъ неподвижно. Когда вторая дверь, въ ближайшей комнатѣ, громко стукнула, какъ будто ее съ силою захлопнули, доказывая что Императоръ дѣйствительно ушелъ, Александръ, крадучись, снова подошелъ къ намъ.

Константинъ сказалъ: — „Ну, братецъ, что скажете вы о моихъ?“ — указывая на меня. „Я говорилъ вамъ, что онъ не испугается!“ Александръ спросилъ: „Какъ? Вы не боитесь Императора?“ — „Нѣтъ, Ваше Высочество, чего же мнѣ бояться? Я дежурный, да еще внѣ очереди; я исполняю мою обязанность и не боюсь никого, кромѣ Великаго Князя, и то потому, что онъ мой прямой начальникъ, точно также, какъ мои солдаты не боятся Его Высочества, и боятся одного меня.“ — „Такъ вы ничего не знаете?“ — возразилъ Александръ. — „Ничего, Ваше Высочество, кромѣ того, что я дежурный не въ очередь.“ — „Я такъ приказалъ“ — сказалъ Константинъ. — „Къ тому же“ — сказалъ Александръ — „мы оба подъ арестомъ.“ Я засмѣялся. Великій Князь сказалъ: „Отчего вы смѣетесь?“ — „Оттого“ — отвѣтилъ я — „что вы давно желали этой чести.“ — „Да, но не такого ареста, какому мы подверглись теперь. Насъ обоихъ водилъ въ церковь Обольяниновъ присягать въ вѣрности.“ — „Меня нѣтъ надобности приводить къ

присягѣ" — сказалъ я — „я вѣренъ." — „Хорошо", — сказалъ Константинъ — „теперь отправляйтесь домой и смотрите, будьте осторожны." Я поклонился и вышелъ.

Въ передней, пока камердинеръ Рутковскій подавалъ мнѣ шубу, Константинъ Павловичъ крикнулъ: „Рутковскій, стаканъ воды." Рутковскій налилъ и я замѣтилъ ему, что на поверхности плаваетъ перышко. Рутковскій вынулъ его пальцемъ и, бросивъ на полъ, сказалъ: „Сегодня оно плаваетъ, но завтра потонетъ."

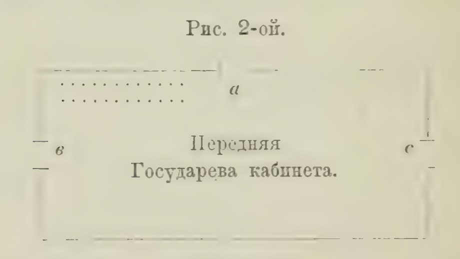
Затѣмъ я оставилъ дворецъ и отправился домой. Было ровно девять часовъ и, когда я сѣлъ въ свое кресло, я, какъ легко себѣ представить, предался довольно тревожнымъ размышленіямъ по поводу всего, что я только слышалъ и видѣлъ въ связи съ предчувствіями, которыя я имѣлъ раньше. Мои размышленія однакоже были непродолжительны. Въ три четверти десятаго мой слуга, Степанъ, вошелъ въ комнату и ввелъ ко мнѣ фельдъегеря. — „Его Величество желаетъ, чтобы вы немедленно явились во дворецъ." — „Очень хорошо" — отвѣчалъ я — и велѣлъ подать сани.

Получить такое приказаніе черезъ фельдъегеря считалось въ тѣ времена дѣломъ нешуточнымъ и плохимъ предзнаменованіемъ. Я, однакоже, не имѣлъ дурныхъ предчувствій и, немедленно отправившись къ моему караулу, спросилъ офицера

Андреевскаго, все-ли обстоитъ благополучно? Онъ отвѣтилъ, что все совершенно благополучно; что Императоръ и Императрица три раза проходили мимо караула, весьма благосклонно поклонились ему и имѣли видъ очень милостивый. Я сказалъ ему, что за мною послалъ Государь и что я не приложу ума, зачѣмъ бы это было. Андреевскій также не могъ догадаться, ибо въ теченіи дня все было въ порядкѣ.

Въ шестнадцать минутъ одиннадцатаго часовой крикнулъ: „вонъ!", и караулъ вышелъ и выстроился. Императоръ показался изъ двери *а*, въ башмакахъ и чулкахъ, ибо онъ шелъ съ ужина. Ему предшествовала любимая его собачка „Шпицъ",

Рис. 2-ой.

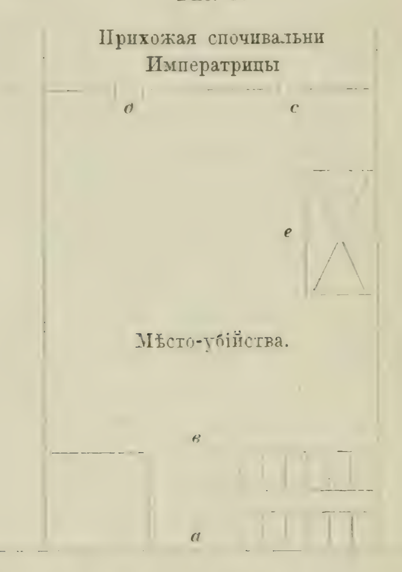
а слѣдовалъ за нимъ Уваровъ, дежурный Генералъ-Адъютантъ. Собачка подбѣжала ко мнѣ и стала ласкаться, хотя прежде того никогда меня не видала. Я отстранилъ ее шляпою, но она опять кинулась ко мнѣ и Императоръ отогналъ ее ударомъ шляпы, послѣ чего Шпицъ сѣлъ позади Павла

Петровича на заднія лапки, не переставая пристально глядѣть на меня.

Императоръ подошелъ ко мнѣ (я стоялъ шагахъ въ двухъ отъ караула) и сказалъ по французски: „*Vous êtes des Jacobins.*“ Нѣсколько озадаченный этими словами, я отвѣтилъ: „Oui, Sire!“ Онъ возразилъ: „*Pas Vous, mais le régiment.*“ На это я возразилъ: „*Passe encore pour moi, mais Vous Vous trompez pour le régiment.*“ Онъ отвѣтилъ по русски: „*А я лучше знаю. Сводить караулъ!*“ Я скомандовалъ: „По отдѣленіямъ, на право! Маршъ!“ Корнетъ Андреевскій вывелъ караулъ черезъ дверь *в* и отправился съ нимъ домой. „Шпицъ“ не шевелился и все время во всѣ глаза смотрѣлъ на меня. Затѣмъ Императоръ, продолжая разговоръ по русски, повторилъ, что мы Якобинцы. Я вновь отвергъ это обвиненіе. Онъ снова замѣтилъ, что лучше знаетъ и прибавилъ, что онъ велѣлъ выслать полкъ изъ города и расквартировать его по деревнямъ, причемъ сказалъ мнѣ весьма милостиво: „А вашъ эскадронъ будетъ помѣщенъ въ Царскомъ Селѣ; два бригадъ-маіора будутъ сопровождать полкъ до седьмой версты; распорядитесь, чтобы онъ былъ готовъ утромъ въ четыре часа, въ полной походной формѣ, и съ поклажею.“ Затѣмъ, обращаясь къ двумъ лакеямъ, одѣтымъ въ гусарскую форму, но не вооруженнымъ, онъ сказалъ: „Вы же два займите этотъ постъ“ — указывая на дверь *а*.

Уваровъ, все это время, за спиною Государя, дѣлалъ гримасы и усмѣхался, а вѣрный „Шпицъ", бѣдняжка, все время серіозно смотрѣлъ на меня. Императоръ за тѣмъ поклонился мнѣ особенно милостиво и ушелъ въ свой кабинетъ черезъ дверь *a*.

Рис. 3.

Тутъ можетъ быть кстати будетъ пояснить, какъ былъ расположенъ внутри кабинетъ Императора.

То была длинная комната, въ которую входили черезъ дверь *a* и такъ какъ нѣкоторыя изъ стѣнъ

Замка были достаточно толсты, чтобы вмѣстить въ себѣ внутреннюю лѣстницу, то въ толщинѣ стѣны, между дверьми *а* и *в*, и была устроена такая лѣстница, которыя вела въ аппартаменты Княгини Гагариной, а также Гр. Кутайсова. На противоположномъ концѣ кабинета была дверь *с*, ведшая въ опочивальню Императрицы и рядомъ съ нею каминъ *д*; на правой сторонѣ стояла походная кровать Императора *е*, надъ которою всегда висѣли шпага, шарфъ и трость Его Величества. Императоръ всегда спалъ въ калесонахъ и въ бѣломъ полотняномъ камзолѣ съ рукавами.

Получивъ, какъ сказано выше, приказанія отъ Его Величества, я вернулся въ полкъ и передалъ ихъ генералу Тормасову, который молча покачалъ головою и велѣлъ мнѣ сдѣлать въ казармахъ распоряженія, чтобы все было готово и лошади осѣдланы въ четыремъ часамъ. Это было ровно въ 11 ч. за часъ до полуночи. Я вернулся къ своему вольтеровскому креслу въ глубокомъ раздумьи.

Нѣсколько минутъ послѣ часу по полуночи, 12 Марта, Степанъ, мой камердинеръ опять вошелъ въ мою комнату съ собственнымъ ѣздовымъ Великаго Князя Константина, который вручилъ мнѣ собственноручную записку Его Высочества*), на-

---

*) Подлинникъ находится во владѣніи издателя „Frasers Magazine“. Прим. редакціи.

писанную, повидимому, весьма спѣшно и взволнованнымъ почеркомъ, въ которой значилось слѣдующее:

,,Собрать тотчасъ-же полкъ верхомъ, какъ ,,можно скорѣе, съ полною аммуниціею, но ,,безъ поклажи и ждать моихъ приказаній.

(подписано) *,,Константинъ Цесаревичъ."*

Потомъ ѣздовой на словахъ прибавилъ: ,,Его Высочество приказалъ мнѣ передать Вамъ, что дворецъ окруженъ войсками и чтобы вы зарядили карабины и пистолеты боевыми патронами.

Я тотчасъ велѣлъ моему камердинеру надѣть шубу и шапку и идти за мною. Я довелъ его и ѣздового до воротъ казармы и поручилъ послѣднему доложить Его Высочеству, что приказанія его будутъ исполнены. Камердинера же своего я послалъ въ домъ къ моему отцу, разсказать все то, что онъ слышалъ и велѣлъ ему оставаться тамъ, пока самъ не пріѣду.

Я зналъ то вліяніе, которое имѣю на солдатъ, и что, безъ моего согласія они не двинутся съ мѣста; къ тому же я былъ очевидно обязанъ ограждать ихъ отъ ложныхъ слуховъ. Наша казарма была домъ съ толстыми стѣнами, выстроенная въ видѣ пустого четырехугольника, съ двумя только воротами. Такъ какъ была еще зима и вездѣ были вставлены двойныя окна, то я легко могъ сдѣлать изъ этого зданія непроницаемую

крѣпость, заперевъ наглухо и заколотивъ гвоздями задніе ворота и поставивъ у переднихъ воротъ парныхъ часовыхъ со строгимъ приказаніемъ никого не впускать. Я поступилъ такъ потому, что не былъ вполнѣ увѣренъ въ образѣ мыслей Генерала Тормасова при данныхъ обстоятельствахъ; вотъ почему я распорядился поставить у дверей его квартиры часового, строго приказавъ ему никого пропускать.

Затѣмъ я отправился въ конюшни, велѣлъ созвать солдатъ и немедленно сѣдлать лошадей. Такъ какъ дѣло было зимою, то мы были принуждены зажечь свѣчи, яркій свѣтъ которыхъ тотчасъ разбудилъ весь полкъ. Нѣкоторые изъ полковниковъ упрекнули меня въ томъ, что я такъ „чертовски спѣшу", когда до четырехъ часовъ еще времени достаточно. Я не отвѣчалъ, но такъ какъ, зная меня, они разсудили, что я не стоялъ бы дѣйствовать такимъ образомъ безъ уважительныхъ причинъ, то всѣ они послѣдовали моему примѣру, каждый въ своемъ эскадронѣ. Тѣмъ не менѣе, когда я приказалъ заряжать карабины и пистолеты боевыми патронами, всѣ они возражали и у насъ вышелъ маленькій споръ; но такъ какъ я лично получилъ приказанія отъ Его Высочества, они пришли къ убѣжденію, что я должно быть правъ и поступили также какъ и я.

Между тремя и четырьмя часами утра меня вызвали къ передовому караулу у воротъ. Тутъ

я увидѣлъ Ушакова, нашего полкового адъютанта. Откуда вы? Вы не ночевали въ казармѣ?" — спросилъ я его. —

— „Я изъ Михайловскаго Замка."

— „А что тамъ дѣлается?"

— „Императоръ Павелъ умеръ и Александръ превозглашенъ Императоромъ."

— „Молчите!" — отвѣчалъ я и тотчасъ повелъ его къ Генералу, отпустивъ поставленный мною караулъ.

Мы вошли въ гостинную, которая была рядомъ со спальнею. Я довольно громко крикнулъ: „Генералъ, Генералъ, Александръ Петровичъ!" — Жена его проснулась и спросила: „Кто тамъ?" — „Полковникъ Саблуковъ, сударыня." — „А, хорошо", и она разбудила своего мужа. Его Превосходительство надѣлъ халатъ и туфли и вышелъ въ ночномъ колпакѣ, протирая себѣ глаза, еще полусонный.

— „Въ чемъ дѣло?" — спросилъ онъ.

— „Вотъ, Ваше Превосходительство, адъютантъ, онъ только что изъ дворца и все вамъ скажетъ . . ."

— „Что-же, сударь, случилось?" — обратился онъ къ Ушакову.

— „Его Величество Государь Императоръ скончался: онъ умеръ отъ удара . . ."

— „Что̀ такое, сударь? Какъ смѣете вы это говорить!" — воскликнулъ Генералъ.

— „Онъ дѣйствительно умеръ“ — сказалъ Ушаковъ: „Великій Князь вступилъ на престолъ, и Военный Губернаторъ передалъ мнѣ приказъ, чтобы Ваше Превосходительство немедленно привели полкъ къ присягѣ Императору Александру.“

Онъ сказалъ намъ тоже, что Михайловскій Замокъ окруженъ войсками и что Александръ, съ женою Елизаветой, переѣхалъ въ Зимній Дворецъ подъ прикрытіемъ Кавалергардовъ, которыми предводительствовалъ самъ Уваровъ.

Убѣдившись въ справедливости сообщеннаго извѣстія, Генералъ Тормасовъ сказалъ мнѣ по французски:

„Eh bien, mon cher Colonel, faites sortir le régiment, préparez le prêtre et l'Evangile et réglez tout cela. Je m'habillerai et je descendrai tout de suite.“

Ушаковъ, въ заключеніе, прибавилъ, что *Генералъ Беннигсенъ* былъ оставленъ комендантомъ Михайловскаго Замка.

12 Марта между четырьмя и пятью часами утра, когда только что начинало свѣтать, весь полкъ былъ выстроенъ, въ пѣшемъ строго, на дворѣ казармъ. *Отецъ Иванъ,* нашъ полковой священникъ, вынесъ крестъ и Евангеліе на аналогѣ и поставилъ его передъ полкомъ. Генералъ Тормасовъ громко объявилъ о томъ, что случилось: что Императоръ Павелъ скончался отъ апоплексическаго удара и что Александръ I вступилъ на

престолъ. Затѣмъ онъ велѣлъ приступить къ присягѣ. Рѣчь эта произвела мало впечатлѣнія на солдатъ: они не отвѣтили на нее криками „ура!“ какъ онъ того ожидалъ. Онъ затѣмъ пожелалъ, чтобы я, въ качествѣ дежурнаго полковника, поговорилъ съ солдатами. Я началъ съ Лейбъ-эскадрона, въ которомъ я служилъ столько лѣтъ, что зналъ въ лицо каждаго рядового. На правомъ флангѣ стоялъ *рядовой Григорій Ивановъ,* примѣрный солдатъ, статный и высокаго роста. Я сказалъ ему: „Ты слышалъ, что случилось?“ —

— „Точно такъ.“

— „Присягнете вы теперь Александру?“

— „Ваше Высокоблагородіе“, — отвѣтилъ онъ — „видѣли-ли вы Императора Павла дѣйствительно мертвымъ?“

— „Нѣтъ“, — отвѣтилъ я.

— „Не чудно-ли было бы“ — сказалъ Григорій Ивановъ — „если бы мы присягнули Александру, пока Павелъ еще живъ?“

— „Конечно“ — отвѣтилъ я.

Тутъ Тормасовъ шопотомъ сказалъ мнѣ по французски:

„Cela est mal, arrangez cela.“

Тогда я обратился къ нему и громко, по русски, сказалъ ему: — „Позвольте мнѣ замѣтить Ваше Превосходительство, что мы приступаемъ къ присягѣ не по уставу: присяга никогда не приносится безъ штандартовъ“; тутъ я шепнулъ ему

по французски, чтобы онъ приказалъ мнѣ послать за ними. Генералъ сказалъ громко:

— „Вы совершенно правы, Полковникъ, пошлите за штандартами.“

Я скомандовалъ первому взводу сѣсть на лошадей и велѣлъ взводному командиру, *Корнету Филатьеву*, непремѣнно показать солдатамъ Императора Павла, живого или мертваго.

Когда они прибыли во дворецъ, Генералъ Беннигсенъ, въ качествѣ Коменданта дворца, велѣлъ имъ принять штандарты, но Корнетъ Филатьевъ замѣтилъ ему, что необходимо прежде показать солдатамъ покойника. Тогда Беннигсенъ воскликнулъ: „*Mais c'est impossible, il est abimé, fracassé, on est actuellement à le peindre et à l'arranger!*“

Филатьевъ отвѣтилъ, что если солдаты не увидятъ Павла мертвымъ, — полкъ отказывается присягнуть новому Государю. — „*Ah, ma foi!*“ сказалъ старикъ Беннигсенъ — „*s'ils lui sont si attachés, ils n'ont qu'à le voir.*“ Два ряда были впущены и видѣли тѣло Императора.

По прибытіи штандартовъ имъ были отданы обычныя почести съ соблюденіемъ необходимаго этикета. Ихъ передали въ соотвѣтствующіе эскадроны и я приступилъ къ присягѣ. Прежде всего я обратился къ Григорію Иванову.

— „Что же, братецъ, видѣлъ ты Государя? Дѣйствительно онъ умеръ?“

— „Такъ точно, Ваше Высокопревосходіе, *крѣпко умеръ!*“

— „Присягнешъ-ли ты теперь Александру?“

— „Точно такъ... хотя лучше покойнаго ему не быть... А впрочемъ все одно: кто ни попъ тотъ и батька.“

Такъ окончился обрядъ (присяги), который, по смыслу своему, долженствовалъ быть священнымъ таинствомъ; впрочемъ онъ всегда и былъ таковымъ... для солдатъ.

Теперь я буду продолжать свое повѣствованіе уже со словъ другихъ лицъ, но на основаніи данныхъ самыхъ достовѣрныхъ и ближайшихъ къ тому времени, когда совершилась эта ужасная катастрофа.

Вечеромъ 11 Марта заговорщики раздѣлились на небольшіе кружки. Ужинали у Полковника Хитрова, у двухъ Генераловъ Ушаковыхъ, у Депрерадовича (Семеновскаго Полка) и у нѣкоторыхъ другихъ. Поздно вечеромъ всѣ соединились вмѣстѣ за однимъ общимъ ужиномъ, на которомъ присутствовали: Генералъ Беннигсенъ и Графъ Паленъ. Было выпито много вина и многіе выпили болѣе чѣмъ слѣдуетъ. Въ концѣ ужина, какъ говорятъ, Паленъ будто бы, сказалъ: „*Rappelez-vous, Messieurs, que pour manger*

d'une omelette il faut commencer par casser les œufs."

Говорятъ, что за этимъ ужиномъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка *Полковникъ Бибиковъ,* прекрасный офицеръ, находившійся въ родствѣ со всею знатью, будто бы, высказалъ, во всеуслышаніе, мнѣніе, что нѣтъ смысла стараться избавиться отъ одного Павла; что Россіи не легче будетъ съ остальными членами его семьи и что лучше всего было бы отдѣлаться отъ нихъ всѣхъ сразу. Какъ ни возмутительно подобное предложеніе, достойно вниманія то, что оно было вторично высказано въ 1825 году, во время послѣдняго заговора, сопровождавшаго вступленіе на престолъ Императора Николая Перваго.

Около полуночи большинство полковъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ, двинулись ко дворцу. Впереди шли Семеновцы, которые и заняли внутренніе корридоры и проходы замка.

Заговорщики встали съ ужина немного позже полуночи. Согласно выработанному плану, сигналъ къ вторженію во внутренніе аппартаменты дворца и въ самый кабинетъ Императора долженъ былъ подать *Аргамаковъ,* адъютантъ гренадерскаго баталіона Преображенскаго полка, обязанность котораго заключалась въ томъ, чтобы докладывать Императору о пожарахъ, происходящихъ въ городѣ. Аргамаковъ вбѣжалъ въ переднюю Госу-

дарева кабинета, гдѣ недавно еще стоялъ караулъ отъ моего эскадрона и закричалъ: „пожаръ!“

Въ это время заговорщики, числомъ до 180 человѣкъ, бросились въ дверь *а* (см. рис. 3). Тогда Маринъ, командовавшій внутреннимъ пѣхотнымъ карауломъ, удалилъ вѣрныхъ гренадеръ Преображенскаго Лейбъ-баталіона, разставивъ ихъ часовыми, а тѣхъ изъ нихъ, которые прежде служили въ Лейбъ-Гренадерскомъ полку, помѣстилъ въ передней Государева кабинета, сохранивъ, такимъ образомъ, этотъ важный постъ въ рукахъ заговорщиковъ.

Два камеръ-гусара, стоявшіе у двери а, храбро защищали свой постъ, но одинъ изъ нихъ былъ заколотъ, а другой раненъ. Найдя первую дверь (*а*), ведшую въ спальню, незапертою, заговорщики сначала подумали, что Императоръ скрылся по внутренней лѣстницѣ (и это ему легко бы удалось) какъ это сдѣлалъ *Кутайсовъ*. Но когда они подошли ко второй двери (*в*), то нашли ее запертою изнутри, что̀ доказывало, что Императоръ несомнѣнно находился въ спальнѣ.

Взломавъ дверь (*в*) заговорщики бросились въ комнату, но Императора въ ней не оказалось. Начались поиски, но безуспѣшно, несмотря на то что дверь *с*, ведшая въ опочивальню Императрицы, также была заперта изнутри. Поиски продолжались нѣсколько минутъ, когда вошелъ Генералъ Беннигсенъ, высокаго роста, флегматичный чело-

вѣкъ; онъ подошелъ къ камину (*д*), прислонился къ нему и въ это время увидѣлъ Императора, спрятавшагося за экраномъ. Указавъ на него пальцемъ, Беннигсенъ сказалъ по французски: „*le voilà!*“, послѣ чего Павла тотчасъ вытащили изъ его прикрытія.

Князь Платонъ Зубовъ, дѣйствовавшій въ качествѣ оратора и главнаго руководителя заговора, обратился къ Императору съ рѣчью. Отличавшійся обыкновенно большою нервностью, Павелъ, на этотъ разъ однако не казался особенно взволнованнымъ и, сохраняя полное достоинство, спросилъ, что имъ всѣмъ здѣсь нужно?

Платонъ Зубовъ отвѣчалъ, что деспотизмъ его сдѣлался настолько тяжелымъ для націи, что они пришли требовать его отреченія отъ престола.

Императоръ, — преисполненный искренняго желанія доставить своему народу счастье, сохранять нерушимо законы и постановленія Имперіи и водворить повсюду правосудіе, — вступилъ съ Зубовымъ въ споръ, *который длился около получаса* и который, въ концѣ концовъ, принялъ бурный характеръ. Въ это время тѣ изъ заговорщиковъ, которые слишкомъ много выпили шампанскаго, стали выражать нетерпѣніе, тогда какъ Императоръ, въ свою очередь, поговорилъ все громче и сильно началъ жестикулировать. Въ это время Шталмейстеръ, *Графъ Николай Зубовъ*, человѣкъ громаднаго роста и необыкновенной

силы, будучи совершенно пьянъ, ударилъ Павла по рукѣ и сказалъ: *„что ты такъ кричишь!“*

При этомъ оскорбленіи Императоръ съ негодованіемъ оттолкнулъ лѣвую руку Зубова, на что̀ послѣдній, сжимая въ кулакѣ массивную золотую табакерку, со всего розмаху нанесъ правою рукою ударъ въ лѣвый високъ Императора, вслѣдствіе чего тотъ безъ чувствъ повалился на полъ. Въ ту же минуту французъ-камердинеръ Зубова вскочилъ съ ногами на животъ Императора, а *Скарятинъ*, офицеръ Измайловскаго полка, снявъ висѣвшій надъ кроватью собственный шарфъ Императора, задушилъ его имъ. Такимъ образомъ его прикончили.

На основаніи другой версіи, Зубовъ, будучи сильно пьянъ, будто бы запустилъ пальцы въ табакерку, которую Павелъ держалъ въ рукахъ. Тогда Императоръ первый ударилъ Зубова и такимъ образомъ самъ началъ ссору. Зубовъ, будто-бы выхватилъ табакерку изъ рукъ Императора и сильнымъ ударомъ сшибъ его съ ногъ. Но это едвали правдоподобно, если принять во вниманіе, что Павелъ выскочилъ прямо изъ кровати и хотѣлъ скрыться. Какъ бы то нибыло, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что табакерка играла въ этомъ событіи извѣстную роль.

Итакъ произнесенныя Паленомъ за ужиномъ слова *„qu'il faut commencer par casser les œufs“* не были забыты и, увы, приведены въ исполненіе.

Называли имена нѣкоторыхъ лицъ, которыя выказали при этомъ случаѣ много жестокости, даже звѣрства, желая выместить, полученныя отъ Императора оскорбленія, на безжизненномъ его тѣлѣ, такъ что докторамъ и гримёрамъ было не легко привести тѣло въ такой видъ, чтобы можно было выставить его для поклоненія, согласно существующимъ обычаямъ. Я видѣлъ покойнаго Императора, лежащаго въ гробу *). На лицѣ его, не смотря на старательную гримировку, видны были черныя и синія пятна. Его трехугольная шляпа была такъ надвинута на голову, чтобы, по возможности, скрыть лѣвый глазъ и високъ, который былъ зашибленъ.

Такъ умеръ 12 Марта 1801 года одинъ изъ Государей, о которомъ исторія говоритъ, что онъ былъ преисполненъ многихъ добродѣтелей, отличался неутомимой дѣятельностью, любилъ порядокъ и справедливость, былъ добръ и искренно набоженъ. Въ день своей коронаціи онъ опубликовалъ актъ, устанавливающій порядокъ престолонаслѣдія въ Россіи. Земледѣліе, промышленность, торговля, искусства и науки имѣли въ немъ надежнаго покровителя. Для насажденія образованія и воспи-

*) Говорятъ (изд. достов. источника) что, когда дипломатическій корпусъ былъ допущенъ къ тѣлу, Французскій Посолъ, проходя, нагнулся надъ гробомъ и задѣвъ рукою за галстухъ Императора, обнаружилъ красный слѣдъ вокругъ шеи, сдѣланный шарфомъ. Пр. автора.

танія онъ основалъ въ Дерптѣ университетъ, въ Петербургѣ училище для военныхъ сиротъ (Павловскій Корпусъ). Для женщинъ: Институтъ Ордена Св. Екатерины и учрежденія вѣдомства Императрицы Маріи.

Отвратительно упоминать объ именахъ убійцъ, отличавшихся своимъ звѣрствомъ во время этой катастрофы. Я могу только присовокупить, что большинство изъ нихъ я зналъ до момента ихъ кончины, которая у многихъ представляла ужасную нравственную агонію въ связи съ самыми жестокими тѣлесными муками.

Да будетъ благословенна благодѣтельная десница Провидѣнія, сохранившая меня отъ всякаго соучастія въ этомъ страшномъ злодѣяніи!

Возвращаюсь теперь къ трагическимъ происшествіямъ 12-го Марта 1801 года.

Какъ только Оберъ-Шталмейстеръ Сергѣй Ильичъ Мухановъ, состоявшій при особѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, узналъ о томъ, что случилось, онъ поспѣшно разбудилъ Графиню Ливенъ, старшую статсъ-даму и воспитательницу Августѣйшихъ дѣтей, ближайшаго и довѣреннаго друга Императрицы, особу большаго ума и твердаго характера, одаренную почти мужскою энергіею.

Графиня Ливенъ отправилась въ опочивальню Ея Величества. Было два часа по полуночи. Государыня вздрогнула и спросила: „Кто тамъ?“ — „Это я, Ваше Величество!...“ — „О,“ — сказала Императрица — „я увѣрена, что Александра *) умерла.“ — „Нѣтъ, Государыня, не она...“ — „О! Такъ это Императоръ!...“

При этихъ словахъ Императрица стремительно поднялась съ постели, и какъ была, безъ башмаковъ и чулковъ, бросилась къ двери, ведущей въ кабинетъ Императора, служившій ему и спальнею. Графиня Ливенъ имѣла только время набросить салопъ на плечи Ея Величества.

Между спальнями Императора и Императрицы была комната съ особымъ входомъ и внутреннею лѣстницею. Сюда введенъ былъ пикетъ Семеновцевъ, чтобы не допускать никого въ кабинетъ Императора съ этой стороны. Этотъ пикетъ находился подъ командою моего двоюроднаго брата, Капитана Александра *Волкова*, офицера лично извѣстнаго Императрицѣ и пользовавшагося особымъ ея покровительствомъ.

Въ ужасномъ волненіи, съ распущенными волосами и въ описанномъ уже костюмѣ Императрица вбѣжала въ эту комнату съ крикомъ „пустите меня! пустите меня!“ Гренадеры скрестили штыки.

---

*) Великая Княгиня Александра Павловна, супруга Эрцъ-Герцога Іосифа, Палатина Венгерскаго.

Со слезами на глазахъ она обратилась тогда къ Волкову и просила пропустить ее. Онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ права. Тогда она опустилась на полъ и обнимая колѣна часовыхъ умоляла пропустить ее. Грубые солдаты рыдали, при видѣ ея горя, но съ твердостью исполнили приказъ. Тогда Императрица встала съ достоинствомъ и твердою походкой вернулась въ свою спальню. Блѣдная и неподвижная какъ мраморная статуя она опустилась въ кресло и въ такомъ состояніи ее одѣли.

Мухановъ, ея вѣрный другъ, былъ первымъ мужчиною, котораго она допустила въ свое присутствіе и съ этой минуты, онъ постоянно былъ при ней до самой смерти*).

Рано утромъ (12 Марта) изъ Зимняго Дворца явился посланный, если я не ошибаюсь, это былъ самъ Уваровъ. Именемъ *Императора* и *Императрицы* онъ умолялъ вдовствующую Государыню переѣхать къ нимъ.

— „Скажите моему сыну“ — отвѣчала Императрица — „что до тѣхъ поръ, пока я не увижу моего мужа мертвымъ, собственными гла-

---

*) Какъ воспоминаніе объ услугахъ, оказанныхъ Мухановымъ въ эту эпоху, Государыня Марія Θеодоровна подарила ему свой портретъ въ траурномъ платьѣ, прекрасную картину, находящуюся въ настояще время въ семьѣ Мухановыхъ. Прим. автора.

зами, я не признаю Александра своимъ Государемъ.“

Необходимо теперь замѣтить, что Паленъ не терялъ изъ виду Александра, который былъ молодъ и робокъ. Паленъ, не пошелъ вмѣстѣ съ заговорщиками, но остался въ нижнимъ этажѣ, вмѣстѣ съ Александромъ, который, какъ извѣстно находился подъ арестомъ, равно какъ и Константинъ, въ той комнатѣ, гдѣ я ихъ видѣлъ. На этомъ основаніи злые языки впослѣдствіи говорили, что если бы Павелъ спасся (какъ это и могло случиться), Графъ Паленъ вѣроятно арестовалъ бы Александра и измѣнилъ бы весь ходъ дѣла. Одно не подлежитъ сомнѣнію — это, что Паленъ очень хладнокровно все предусмотрѣлъ и принялъ возможныя мѣры къ тому, чтобы избѣжить всякихъ случайностей. Павелъ, сильно взволнованный въ послѣдніе дни, высказалъ Палену желаніе послать нарочнаго за Аракчеевымъ. Нарочный былъ посланъ и Аракчеевъ прибылъ въ Петербургъ вечеромъ, въ самый день убійства, но его не пропустили черезъ заставу.

Генералъ *Кологривовъ,* который командовалъ Гусарами и былъ вѣрный и преданный слуга Императора, въ этотъ вечеръ былъ у себя дома и игралъ въ вистъ съ Генералъ-Маіоромъ Кутузовымъ, который служилъ подъ его начальствомъ. Ровно въ половины перваго той ночи Кутузовъ вынулъ свои часы и заявилъ Кологривову, что онъ аре-

стованъ и что ему приказано наблюдать за нимъ. Вѣроятно Кутузовъ принялъ необходимыя мѣры на случай сопротивленія со стороны хозяина дома.

Маіоръ Горголи, бывшій Плацъ-Маіоромъ, очень малый молодой человѣкъ, получилъ приказаніе арестовать Графа Кутайсова и актрису Шевалье, съ которой былъ въ связи и у которой онъ часто ночевалъ въ домѣ. Такъ какъ его не нашли въ дворцѣ, то думали, что онъ у нея. Пронырливый Фигаро однако скрылся по потайной лѣстницѣ и, забывъ о своемъ господинѣ, которому всѣмъ былъ обязанъ, онъ выбѣжалъ безъ башмаковъ и чулокъ, въ одномъ халатѣ и колпакѣ, и въ такомъ видѣ бѣжалъ по городу пока не нашелъ себѣ убѣжища въ домѣ *Степана Сергѣевича Ланского,* который, какъ человѣкъ благородный, не выдалъ его пока не миновала всякая опасность. Что касается актрисы Шевалье, то, какъ говорятъ, она приложила всѣ старанія, чтобы показаться особенно обворожительной, но Горголи повидимому не отдалъ дань ея прелестямъ, такъ что она отдѣлалась однимъ страхомъ.

Можно было думать, что, получивъ упомянутый отвѣтъ отъ своей матери, которую онъ любилъ столь же нѣжно, какъ и былъ любимъ ею, Александръ немедленно придетъ броситься въ ея объятія. Но тогда онъ долженъ былъ бы разрѣшить ей взглянуть на тѣло ея убитаго мужа, а этого, увы, нельзя было дозволить; нельзя было допустить

Императрицу къ тѣлу, въ томъ его видѣ, въ какомъ его застали солдаты Конной Гвардіи. Уборка тѣла, гримировка, бальзамированіе и облаченіе въ мундиръ длились *болѣе 30-ти часовъ* и только на другой день послѣ смерти, поздно вечеромъ, Павла показали убитой горемъ Императрицѣ.

Слѣдующій же день послѣ ужасныхъ событій 11 Марта наглядно показалъ все легкомысліе и пустоту столичной, придворной и военной публики того времени. Одною изъ главныхъ жестокостей, въ которыхъ обвиняли Павла, считалась его настойчивость и строгость относительно старомодныхъ костюмовъ, причесокъ, экипажей и т. п. мелочей. Какъ только извѣстіе о кончинѣ Императора распространилось въ городѣ, немедленно же появились прически à la Titus, исчезли косы, обрѣзались букли и панталоны; круглыя шляпы и сапоги съ отворотами наполнили улицы. Дамы также, не теряя времени, облеклись въ новые костюмы, и экипажи, имѣвшіе видъ старыхъ нѣмецкихъ или французскихъ attelages, исчезли, уступивъ мѣсто русской упряжи, съ кучерами въ національной одеждѣ и съ форейтерами (что было строго запрещено Павломъ), которые съ обычной быстротою и криками понеслись по улицамъ. Это движеніе, вдругъ сообщенное всѣмъ жителямъ столицы, внезапно освобожденнымъ отъ строгостей полицейскихъ постановленій и уличныхъ правилъ, дѣйствительно заставило всѣхъ ощущать, что съ

рукъ ихъ, словно по волшебству, свалились цѣпи и что нація, какъ бы находившаяся въ гробу, снова вызвана къ жизни и движенію.

Утромъ (12 Марта) въ 10 часовъ мы всѣ были на парадѣ, во время котораго вся прежняя рутина была соблюдена. Графъ Паленъ держалъ себя какъ и всегда. Такъ какъ я стоялъ отъ него въ сторонѣ, то онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— „*Je Vous ai craint plus que toute la garnison.*“

— „*Et Vous avez eu raison*“ — отвѣчалъ я.

— „*Aussi*“ — возразилъ Паленъ — „*j'ai eu soin de Vous faire renvoyer.*“

Эти слова убѣдили меня въ справедливости разсказа, что бы Императоръ получилъ анонимное письмо съ указаніемъ именъ всѣхъ заговорщиковъ, во главѣ которыхъ стояло имя самого Палена; что на вопросъ Императора Паленъ не отрицалъ этого факта, но напротивъ сказалъ, что разъ онъ, въ качествѣ Военнаго-Губернатора города находится во главѣ заговора, то Его Величество можетъ быть увѣренъ, что все въ порядкѣ. Затѣмъ Императоръ благодарилъ Палена и спросилъ его, не признаетъ ли онъ, съ своей стороны, нужнымъ, посовѣтовать ему что нибудь для его безопасности, на что тотъ отвѣчалъ, что ничего больше не требуется: „Развѣ только Ваше Величество удалите вотъ этихъ Якобинцевъ“ — (при чёмъ онъ указалъ на дверь за которой стоялъ караулъ отъ

Конной Гвардіи) — „да прикажете заколотить *эту дверь*“ (ведущую въ спальню Императрицы). Оба эти совѣта, злополучный Монархъ не преминулъ исполнить. Какъ извѣстно, на свою собственную погибель.

Во время парадъ заговорщики держали себя чрезвычайно заносчиво и какъ бы гордились совершеннымъ преступленіемъ. Князь Платонъ Зубовъ также появился на парадѣ, имѣя далеко не воинственный видъ со своими улыбочками и остротами, за что́ онъ былъ особенно отличенъ при дворѣ Екатерины и о чемъ я не могъ вспоминать безъ отвращенія.

Офицеры нашего полка держались въ сторонѣ и съ такимъ презрѣніемъ относились къ заговорщикамъ, что произошло нѣсколько столкновеній, окончившихся дуэлями. Это дало Графу Палену мысль устроить оффиціальный обѣдъ съ цѣлью примиренія разныхъ партій.

Въ концѣ парада мы узнали, что заключенъ миръ съ Англіей и что курьеръ съ трактатомъ уже отправленъ въ Лондонъ къ *Графу Воронцову*. Онъ долженъ былъ ѣхать черезъ Берлинъ гдѣ Графъ получилъ извѣстіе о кончинѣ Императора и о мирномъ договорѣ съ Англіей.

Крайне любопытно то, что Г-жа Жеребцова предсказала печальное событіе 11 Марта въ Берлинѣ и, какъ только она узнала о совершившемся фактѣ, то отправилась въ Англію и навѣстила

своего стараго друга Лорда Витворта, бывшаго въ теченіи многихъ лѣтъ Англійскимъ Посломъ въ Петербургѣ. Обстоятельство это впослѣдствіе послужило поводомъ къ распространенію слуха будто-бы катастрофа, закончившаяся смертью Павла, была дѣломъ рукъ Англіи и англійскаго золота. Но это обвиненіе несомнѣнно ложно, ибо, не смотря на всю преступность руководителей заговора, послѣдніе были чужды корыстныхъ цѣлей. Они дѣйствовали изъ побужденій патріотическихъ и многіе изъ нихъ, подобно обоимъ Великимъ Князьямъ, были убѣждены въ томъ, что, при помощи угрозъ, Императора можно было заставить отречься отъ престола, или, по крайней мѣрѣ, принудить подписать актъ, благодаря которому его деспотизмъ былъ бы ограниченъ. Говорили, что Князь Зубовъ, въ эту ночь, въ кабинетѣ Императора, держалъ въ рукѣ свертокъ бумаги, на которомъ будто-бы написанъ былъ текстъ соглашенія между Монархомъ и народомъ. Тѣмъ не менѣе этотъ споръ между Государемъ и заговорщиками, длившійся довольно долго, не привелъ къ желаемымъ результатамъ и вскорѣ вспыльчивость и раздражительность Павла возбудила заговорщиковъ, большинство которыхъ были почти совсѣмъ пьяны, вслѣдствіе чего и произошла вышеописанная катастрофа.

Что касается Александра и Константина, то большинство лицъ, близко стоявшихъ къ нимъ въ

это время, утверждали, что оба Великихъ Князя, получивъ извѣстіе о смерти отца, были страшно потрясены не смотря на то, что сначала имъ сказали, что Императоръ скончался отъ удара, причиненнаго ему волненіемъ, вызваннымъ предложеніями, которыя ему сдѣлали заговорщики.

На слѣдующій день, 13-го Марта, мы снова явились въ обычный часъ на парадъ. Александръ и Константинъ появились оба и имѣли удрученный видъ.

Нѣкоторые изъ главарей заговора и главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ убійствѣ выглядывали нѣсколько смущенно. Одинъ Графъ Паленъ держалъ себя какъ обыкновенно; Князь Зубовъ былъ болѣе щетливъ и разговорчивъ, чѣмъ наканунѣ.

Тѣло покойнаго Императора, загримированное различными художниками, облаченное въ мундиръ. высокіе сапоги со шпорами и въ шляпѣ надвинутой на голову (чтобы скрыть правой високъ) — было положено въ гробъ, въ которомъ онъ долженъ былъ быть выставленъ передъ народомъ, согласно обычаю. Но еще до всего этого убитая горемъ вдова его должна была увидѣть его *мертвымъ,* безъ чего она не соглашалась признать своего сына Императоромъ.

Избѣжать этого было невозможно и роковое посѣщеніе должно было произойти. Подробности этой ужасной сцены *были мнѣ сообщены въ тотъ же вечеръ С. П. Мухановымъ* по возвращеніи его

изъ дворца и нѣтъ словъ, чтобы достаточно выразить скорбь, въ которую былъ погруженъ этотъ достойный человѣкъ. Насколько помню вотъ, что онъ сообщилъ мнѣ.

Императрица находилась въ своей спальнѣ, блѣдная, холодная, на подобіе мраморной статуи, точно такою же какъ она была въ самый день катастрофы. Александръ и Елизавета прибыли изъ Зимняго Дворца въ сопровожденіи Графини Ливенъ и Муханова. Я не знаю, былъ ли тутъ и Константинъ, но кажется что его не было, а всѣ младшія дѣти были съ своими нянями. Опираясь на руку Муханова, Императрица направилась къ роковой комнатѣ при чемъ за нею слѣдовалъ Александръ съ Елизаветой, а Графиня Ливенъ несла за нею шлейфъ. Приблизившись къ тѣлу, Императрица остановилась въ глубокомъ молчаніи, устремила свой взоръ на покойнаго супруга и не проронила при этомъ ни единой слезы.

Александръ Павловичъ, который теперь самъ впервые увидалъ изуродованное лицо своего отца, накрашенное и подмазанное, былъ пораженъ и стоялъ въ нѣмомъ оцѣпененіи. Тогда Императрица-мать обернулась къ сыну и, съ выраженіемъ глубокаго горя и видомъ полнаго достоинства, сказала: „Теперь Васъ поздравляю — Вы Императоръ.“ При этихъ словахъ, Александръ какъ снопъ свалился безъ чувствъ, такъ что присутствующіе на минуту подумали, что онъ мертвъ.

Императрица взглянула на сына безъ всякаго волненія, взяла снова подъ руку Муханова и, поддерживаемая имъ и Графиней Ливенъ, удалилась въ свои аппартаменты. Прошло еще нѣсколько минутъ, пока Александръ пришелъ въ себя, послѣ чего онъ немедленно послѣдовалъ за своей матерью и тутъ, среди новыхъ потоковъ слезъ, мать и сынъ излили впервые свое горе.

Вечеромъ того же дня Императрица снова вошла въ комнату покойнаго, причемъ ее сопровождали только Графиня Ливенъ и Мухановъ. Тамъ, распростершись надъ тѣломъ убитаго мужа, она лежала въ горькихъ рыданіяхъ, пока едва не лишилась чувствъ, не взирая на необыкновенную тѣлесную крѣпость и нравственное мужество. Ея два вѣрныхъ спутника увели ее наконецъ, или вѣрнѣе унесли ее обратно въ ея аппартаменты. Въ слѣдующіе дни снова повторились подобныя же посѣщенія покойника, причемъ пріѣзжалъ и Императоръ. Послѣ этого убитую горемъ вдовствующую Императрицу перевезли въ Зимній Дворецъ, а тѣло покойнаго Императора со всею торжественностью было выставлено для народа.

Русскій народъ, по самой своей природѣ, глубоко преданъ своимъ Государямъ и эта любовь простолюдина къ своему царю столь же врожденная, какъ любовь пчелъ къ своей маткѣ. Въ этой истинѣ убѣдился Декабристъ Муравьевъ, когда во время возмущенія 1825 года онъ объявилъ солда-

тамъ, что Императоръ болѣе не царствуетъ, что учреждена республика и установлено вообще полное равенство. Тогда солдаты спросили: „Кто же тогда будетъ государемъ?" Муравьевъ отвѣчалъ: „Да никто не будетъ." — „Батюшка" — отвѣчали солдаты — „да вѣдь ты самъ знаешь, что это никакъ невозможно." — Впослѣдствіи Муравьевъ самъ признался, что въ эту минуту онъ понялъ всю ошибочность своихъ дѣйствій. Въ 1812 году Наполеонъ впалъ въ ту же ошибку въ Москвѣ и заплатилъ за это достаточно дорого, потерявъ всю свою армію.

Приверженность русскаго человѣка къ своему государю особенно ярко высказывается во время поклоненія народа праху умершаго царя. Въ началѣ моего повѣствованія я уже говорилъ о тѣхъ трогательныхъ сценахъ, которыя происходили послѣ кончины Екатерины, къ праху которой были свободно допущены люди всѣхъ сословій „для поклоненія тѣлу и прощанія". Въ настоящемъ случаѣ запрещено было останавливаться у тѣла Императора, но приказано лишь поклониться и тотчасъ уходить въ сторону. Несомнѣнно, что раскрашенное и намазанное лицо Императора съ надвинутой на глаза шляпой (что тоже не было никогда не въ обычаѣ) не скрылось отъ вниманія толпы и настроило общественное мнѣніе чрезвычайно враждебно по отношенію къ заговорщикамъ.

Желая расположить общественное мнѣніе въ свою пользу, Паленъ, Зубовъ и другіе вожаки заговора рѣшили устроить большой обѣдъ, въ которомъ должны были принять участіе нѣсколько сотъ человѣкъ. Полковникъ N. N.... одинъ изъ моихъ товарищей по полку, зашелъ ко мнѣ однажды утромъ, чтобы спросить, знаю-ли я что нибудь о предполагаемомъ обѣдѣ. Я отвѣчалъ, что ничего не знаю. „Въ такомъ случаѣ" — сказалъ онъ — „я долженъ сообщить Вамъ, что Вы внесены въ списокъ приглашенныхъ. Пойдете-ли Вы туда?"

Я отвѣчалъ, что конечно не пойду, ибо не намѣренъ праздновать убійство. — „Въ такомъ случаѣ" — отвѣчалъ N. N.... — „никто изъ нашихъ также не пойдетъ." Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты. —

Въ тотъ же день Гр. Паленъ пригласилъ меня къ себѣ и едва я вошелъ въ комнату, онъ сказалъ мнѣ:

— „Почему Вы отказываетесь принять участіе въ обѣдѣ?"

— „Parceque je n'ai rien commun avec ces messieurs" — отвѣчалъ я.

Тогда Паленъ съ особеннымъ одушевленіемъ, но безъ всякаго гнѣва сказалъ: — „Вы не правы, „Саблуковъ, дѣло уже сдѣлано и долгъ всякаго „добраго патріота — забыть всѣ партійные раз„доры, думать только о благѣ родины и соеди„ниться вмѣстѣ для служенія отечеству. Вы также

„хорошо какъ и я знаете, какіе раздоры посѣяло „это событіе: неужели-же позволять имъ усили- „ваться? Мысль объ обѣдѣ принадлежитъ мнѣ и „я надѣюсь, что онъ успокоитъ многихъ и умиро- „творитъ умы. Но если Вы теперь откажетесь „придти, остальные Полковники Вашего полка „тоже не придутъ и обѣдъ этотъ произведетъ „впечатлѣніе прямо противоположное моимъ намѣ- „реніямъ. Прошу Васъ поэтому принять пригла- „шеніе и быть на обѣдѣ.“

Я обѣщалъ Палену исполнить его желаніе.

Я явился на этотъ обѣдъ и другіе Полковники тоже, но мы сидѣли отдѣльно отъ другихъ и, сказать правду, я замѣтилъ весьма мало единодушія не смотря на то, что выпито было не мало шампанскаго. Много сановныхъ и высокопоставленныхъ лицъ а также придворныхъ особъ посѣтили эту *„оргію“*, ибо другаго названія нельзя дать этому обѣду. Передъ тѣмъ, чтобы встать со стола, главнѣйшіе изъ заговорщиковъ взяли скатерть за четыре угла, всѣ блюда, бутылки и стаканы были брошены въ середину и все это съ большою торжественностью было выброшено черезъ окно на улицу. Послѣ обѣда произошло нѣсколько рѣзкихъ объясненій и между прочимъ разговоръ между Уваровымъ и Адмираломъ Чичаговымъ, о которомъ я упомянулъ выше.

Въ теченіи нѣкотораго времени все повидимому было спокойно и ни о какихъ реформахъ или

перемѣнахъ не было слышно. Мы только замѣтили, что Паленъ и Платонъ Зубовъ особенно высоко подняли голову и даже поговаривали будто послѣдній имѣлъ смѣлость высказать особенное вниманіе къ молодой и прелестной Императрицѣ. Императоръ Александръ и Великій Князь Константинъ Павловичъ ежедневно появлялись на парадѣ, причемъ первый казался болѣе робкимъ и сдержаннымъ чѣмъ обыкновенно, а второй, напротивъ, не испытывая болѣе страха передъ отцомъ, горячился и шумѣлъ болѣе чѣмъ прежде.

Не смотря на это Константинъ, при всей своей вспыльчивости, не былъ лишенъ чувства горечи и при мысли о катастрофѣ. Однажды утромъ, спустя нѣсколько дней послѣ ужаснаго событія, мнѣ пришлось быть у Его Высочества по дѣламъ службы. Онъ пригласилъ меня въ кабинетъ и, заперевъ за собою дверь, сказалъ: — „Ну, Саблуковъ, хорошая была каша въ тотъ день!“ — „Дѣйствительно, В. В., хорошая каша“ — отвѣтилъ я — „и я очень счастливъ, что я въ ней былъ ни при чемъ.“ — „Вотъ что, другъ мой“ — сказалъ торжественнымъ тономъ Великій Князь — „скажу тебѣ одно, что послѣ того, что̀ случилось, братъ мой можетъ царствовать, если это ему нравится; но если бы престолъ когда нибудь долженъ былъ перейти ко мнѣ, я несомнѣнно бы отъ него отказался.“

Своимъ послѣдующимъ поведеніемъ въ 1825 году, во время вступленія на престолъ Николая I, Константинъ Павловичъ доказалъ, что рѣшеніе его не царствовать было твердо и въ то время я всегда говорилъ, что всѣ убѣжденія, имѣющія цѣлью склонить его принять корону, не поведутъ ни къ чему и что онъ ни за что не согласится царствовать, какъ онъ это высказалъ мнѣ спустя нѣсколько дней послѣ смерти отца.

Публика, особенно же низшіе классы и въ числѣ ихъ старообрядцы и раскольники, пользовались всякимъ случаемъ, чтобы выразить свое сочувствіе удрученной горемъ вдовствующей Императрицѣ. Раскольники были особенно признательны Императору Павлу какъ своему благодѣтелю, даровавшему имъ право публично отправлять свое богослуженіе и разрѣшившему имъ имѣть свои церкви и общины. Какъ выраженіе сочувствія, образа съ соотвѣтствующами надписями изъ священнаго писанія въ огромномъ количествѣ присылались Императрицѣ со всѣхъ концовъ Россіи. Императоръ Александръ, постоянно навѣщавшій свою горюющую мать по нѣскольку разъ въ день, проходя однажды утромъ черезъ переднюю, увидѣлъ въ этой комнатѣ множество образовъ, поставленныхъ въ рядъ. На вопросъ Александра, что это за иконы и почему онѣ тутъ разставлены, Императрица отвѣчала, что все это приношенія, весьма для нея драгоцѣнныя, потому что они вы-

ражаютъ сочувствіе и участіе народа въ ея горѣ; при этомъ Ея Величество присовокупила, что она уже просила Александра Александровича (моего отца, Члена Опекунскаго Совѣта) взять ихъ и помѣстить въ церковь Воспитательнаго Дома. Это желаніе Императрицы и было немедленно исполнено моимъ отцомъ.

Однажды утромъ, во время обычнаго доклада Государю, Паленъ былъ чрезвычайно взволнованъ и съ нескрываемымъ раздраженіемъ сталъ жаловаться Его Величеству, что Императрица-мать возбуждаетъ народъ противъ него и другихъ участниковъ заговора, выставляя на показъ въ Воспитательномъ Домѣ иконы съ надписями вызывающаго характера. Государь, желая узнать въ чемъ дѣло, велѣлъ послать за моимъ отцомъ. Злополучныя иконы были привезены во Дворецъ и вызывающая надпись оказалась текстомъ изъ Священнаго Писанія взятымъ, насколько помню, изъ Книги Царствъ*).

Императрица-мать была крайне возмущена этимъ поступкомъ Палена, позволившимъ себѣ обвинять мать въ глазахъ сына и заявила свое неудовольствіе Александру. Императоръ съ своей стороны высказалъ это Графу Палену въ такомъ

*) Вѣроятно мѣсто IX Главы, Второй Книги царствъ: „Благополучно-ли Замврій убійца Государя своего?“

твердомъ и рѣшительномъ тонѣ, что послѣдній не зналъ что отвѣчать отъ удивленія.

На слѣдующемъ парадѣ Паленъ имѣлъ чрезвычайно недовольный видъ и говорилъ въ крайне рѣзкомъ, несдержанномъ тонѣ. Впослѣдствіи даже разсказывали, что онъ дѣлалъ довольно неосторожные намёки на свою власть и на возможность „возводить и низводить монарховъ съ престола". Трудно допустить, чтобы такой человѣкъ какъ Паленъ, могъ высказать такую безтактную неосторожность, тѣмъ не менѣе въ тотъ же вечеръ объ этомъ уже говорили въ обществѣ.

Какъ бы то ни было, достовѣрно только то, что, когда на другой день, въ обычный часъ, Паленъ пріѣхалъ на парадъ въ такъ называемомъ „vis-à-vis", запряженномъ шестеркой цугомъ, и собирался выходить изъ экипажа, къ нему подошелъ Флигель-Адъютантъ Государя и по Высочайшему повелѣнію предложилъ ему выѣхать изъ города и удалиться въ свое Курляндское имѣніе.

Паленъ повиновался, не отвѣтивъ ни единаго слова.

Въ Высочайшемъ приказѣ было объявлено, что „Генералъ-отъ-Кавалеріи Графъ Паленъ увольняется отъ службы" и въ тотъ же день вечеромъ князю Зубову также предложено оставить Петербургъ и удалиться въ свои помѣстья. Послѣдній тоже безпрекословно повиновался.

Такимъ образомъ, въ силу одного слова юнаго и робкаго монарха сошли со сцены эти два человѣка, которые возвели его на престолъ, питая повидимому надежду царствовать вмѣстѣ съ нимъ. Въ управленіи государствомъ все шло по прежнему, съ тою только разницею, что во всѣхъ случаяхъ, когда могла быть примѣнена политика Екатерины II-ой, на нее ссылались какъ на прецедентъ.

Весною того же года, вскорѣ послѣ Пасхи, Императрица-мать выразила желаніе удалиться въ свою лѣтнюю резиденцію, Павловскъ, гдѣ было не такъ шумно и гдѣ она могла пользоваться покоемъ и уединеніемъ. Исполняя это желаніе, Императоръ спросилъ Ея Величество, какой караулъ она желала бы имѣть въ Павловскѣ?

Императрица отвѣчала: „Другъ мой, я не выношу вида ни одного изъ полковъ, кромѣ Конной Гвардіи.“ — „Какую же часть этого Полка Вы желали бы имѣть при себѣ?“ — „Только эскадронъ Саблукова“ — отвѣчала Императрица.

Я тотчасъ былъ командированъ въ Павловскъ и эскадронъ мой, по особому повелѣнію Государя, былъ снабженъ новыми чапраками, патронташами и пистолетными кабурами съ Андреевской звѣздою, имѣющею, какъ извѣстно, надпись съ девизомъ „за Вѣру и Вѣрность“. Эта почетная награда, какъ справедливая дань безукоризненности нашего поведенія во время заговора, была дана

сначала моему эскадрону, а затѣмъ распространена на всю Конную Гвардію. Кавалергардскій Полкъ, принимавшій столь дѣятельное участіе въ заговорѣ, былъ чрезвычайно обиженъ, что столь видное отличіе дано было исключительно нашему полку. Генералъ Уваровъ горько жаловался на это и тогда Государь, въ видахъ примиренія, велѣлъ дать ту же звѣзду всѣмъ Кирасирамъ и штабу арміи, что̀ осталось и до настоящаго времени.

Служба моя въ Павловскѣ при Ея Величествѣ продолжалась до отъѣзда всего Двора въ Москву на коронацію Императора Александра. Каждую ночь я, подобно сторожу, обходилъ всѣ ближайшіе къ дворцу сады и цвѣтники, среди которыхъ разбросаны были всевозможные памятники, воздвигнутые въ память различныхъ событій супружеской жизни покойнаго Императора. Здѣсь, подобно печальной тѣни, удрученная горемъ Марія Ѳеодоровна, одѣтая въ глубокій трауръ, бродила по ночамъ среди мраморныхъ памятниковъ и плакучихъ ивъ, проливая слезы въ теченіи долгихъ, безсонныхъ ночей. Нервы ея были до того напряжены, что малѣйшій шумъ пугалъ ее и обращалъ въ бѣгство. Вотъ почему моя караульная служба въ Павловскѣ сдѣлалась для меня священной обязанностью, которую я исполнялъ съ удовольствіемъ.

Императрица-мать не искала въ забвеніи облегченія своего горя, напротивъ она какъ бы на-

ходила утѣшеніе выпивая до дна горькую чашу душевныхъ мукъ. Самая кровать, на которой Павелъ испустилъ послѣднее дыханіе, съ одѣялами и подушками, окрашенными его кровью, была привезена въ Павловскъ и помѣщена за ширмами, рядомъ съ опочивальнею Государыни и въ теченіе всей своей жизни она не переставала посѣщать эту комнату. Недавно мнѣ передавали, что эту кровать, послѣ ея смерти, перевезли въ Гатчину и помѣстили въ маленькую комнату, въ которой я такъ часто слышалъ молитвы Павла. Обѣ двери этой комнаты, говорятъ, были заколочены наглухо, равно какъ въ Михайловскомъ Замкѣ, двери, ведущія въ кабинетъ Императора, гдѣ произошло убійство.

Въ заключеніе скажу, что Императоръ Павелъ, не смотря на необычайное увлеченіе его нѣкоторыми женщинами, былъ всегда нѣжнымъ и любящимъ мужемъ для Маріи Ѳеодоровны, отъ которой онъ имѣлъ 8 дѣтей, изъ которыхъ послѣдними были Николай, родившійся въ 1796 г. и Михаилъ въ 1798 г.

Достойно вниманія и то обстоятельство, что Е. И. Нелидова, которой Павелъ такъ восторженно увлекался, сохранила дружбу и уваженіе Императрицы Маріи Ѳеодоровны до послѣднихъ дней ея жизни. Не есть-ли это лучшее доказательство того, что до того времени, когда онъ попалъ въ сѣти Гагариной и ея клевретова,

онъ дѣйствительно былъ нравственно чистъ въ своемъ поведеніи?

Какой поучительный примѣръ для Государей, указывающій на необходимость всегда остерегаться вліянія довѣренныхъ царедворцевъ, единственною заботой которыхъ всегда было и будетъ потворство ихъ слабостямъ ради личныхъ цѣлей.

Конецъ.

Веймаръ, въ типографіи Г. Уимана.